Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

(ИЗ) ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В ТАГАНРОГЕ).

1918—1919 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. ГУБАРЕВА и Ф. ГЛУШКО.

ИСТПАРТ ТАГОКРУЖКОМА В. К. П. (б).
1926 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

(ИЗ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В ТАГАНРОГЕ)

1918—1919 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. ГУБАРЕВА и Ф. ГЛУШКО

ИСТПАРТ ТАГОКРУЖКОМА В. К. П. (б)
1926 г.

Окрлит. № 341 Таганрог тип. изд. „Красное Знамя“ № 305 тир. 3000.

СОДЕРЖАНИЕ:

От Окружного К-та ВКП(б).

Окружком поручил Отделу по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП(б), к десятилетней годовщине Октябрьской революции, издать ряд материалов, освещающих историю революционного движения и деятельность партии в Таганроге.

Из намеченных к выпуску книг—„Подполье" является одной из ярких страниц, рисующих героическую борьбу таганрогской организации ВКП(б) за диктатуру пролетариата.

Ход революционных событий, после отступления красных в мае 1918 г., поставил подпольную парторганизацию в условия, когда она принуждена была расти и развиваться совершенно самостоятельно, т. е. вне зависимости и влияния от большевистской организации, отступившей за пределы Таганрогского округа под напором германских батальонов.

Вот почему было решено „Подполье" выделить из общей цепи исторического развития таганрогской организации ВКП(б).

В силу ряда сложившихся обстоятельств, подпольная организация не получила от ушедших за рубеж т. т. никаких директив и указаний и, лишь под давлением событий, благодаря здоровому пролетарскому чутью, подпольщики сумели найти в себе мужество, а, главное, уменье нащупывать и проводить правильную линию партии в весьма сложной политической обстановке. Организация, в глухом подполье, сумела завоевать право на свое признание, как боевой части партии, как детище Октябрьской Революции, рожденное в буре побед и поражений.

Проработка материалов „Подполья" началась еще в марте с. г., т. е. смомента образования при Истпарте секции подпольщиков. С тех пор, и до конца издания книги, секция активно помогала осуществлять задачу по составлению печатаемых материалов. Вот почему можно сказать, что настоящая работа является коллективным трудом самих участников. *)

По счастливой случайности почти все работники подпольных комитетов того периода оказались на лицо, за

---

*) В редактировании настоящей работы близкое участие принимал Край-Истпарт С. К. К. В. К. П. (б)., в лице тов. Л. Ильина.

исключением еще не так давно умерших т. т. (Головин, Сбытнев и друг.).

Истпарт принял все меры для того, чтобы более точно передать исторические факты. С этой целью книга, в процессе редактирования, неоднократно зачитывалась на ряде собраний активных работников периода 1918—1919 г.г., где и получила окончательную отшлифовку фактов, кои уже не могут вызывать больших сомнений.

Несмотря на это, все же следует отметить и трудности, при описании подпольной деятельности партии, как, например, чрезвычайно скудный документальный материал, относящийся к этому периоду: даже участники подпольной работы, члены комитетов, подчас не в состоянии точно реставрировать прошлое.

Все же роль и деятельность подпольной организации, в предлагаемой читателю книге, достаточно выявлена и освещена.

Мы не сомневаемся, что будущее поколение будет вести работу в области изучения истории и более тщательно и терпеливо отнесется к поискам фактов, по которым будут установлены точные исторические выводы.

Следует вспомнить о тех жертвах, которые принес рабочий класс и партия в борьбе с контр-революцией.

Ряда смелых, самоотверженных, преданных, т. т. нет среди нас, часть умерла в тюрьмах, часть расстреляна и повешена буржуазией уже в последние дни господства.

Книга „Подполье“ ярко рисует роль широких рабочих масс в борьбе партии против белогвардейской диктатуры. Ряд воистину героических подвигов отдельных коммунистов научит молодое поколение, как нужно бороться за интересы **своего** класса; как нужно ненавидеть и презирать своих классовых врагов. Вот почему „Подполье“ мы и посвящаем Таганрогскому Комсомолу.

Тагокружком ВКП(б).

Перед наступлением немцев.

К апрелю месяцу 1918 г. Таганрог представлял из себя кипящий котел. Всевозможные организации, различных оттенков, охватывали почти все, более или менее, активное население города: партийные организации, от анархистов и народных социалистов до кадет включительно, профсоюзы, союзы учащихся, солдат-фронтовиков, различные боевые отряды (пулеметчики, революционные полки, морские батальоны, боевые отряды анархистов и рабочих). Всюду пестрели боевые приказы об организации вооруженного отпора наступавшим немцам:—от Центрального Исполнительного Комитета Украины, от крестьянских депутатов, от городского Совета рабочих депутатов, целый ряд воззваний от политических партий, и т. д. и т. п. А, на-ряду с этим, шло спешное обучение красногвардейцев, беспорядочная стрельба, политические схватки. Все это создавало революционно-напряженную атмосферу. Боевое настроение отдельеых отрядов рабочих представляло картину подлинного горнила революции, дыхание которой чувствовалось на каждом шагу.

После захвата власти рабочими (январь 18 г.) городской Совет рабочих депутатов являлся самым организованным и революционным очагом в Таганроге, полной противоположностью некотсрым профсоюзным и другим организациям, до Совета крестьянских депутатов включительно, захваченного и руководимого меньшевиками и эс-эрами. Большая часть политических организаций, кооперативы, союзы и т. д., были под влиянием меньшевистского или эс-эровского руководства и, только в силу сложившихся условий, они воздерживались от прямой борьбы и, стоя в стороне, нахально смеялись над героическими усилиями большевиков и сознательных беспартийных рабочих, пытавшихся закрепить октябрьские завоевания, с громадными жертвами доставшиеся рабочему классу Таганрога.

Уже к началу апреля м-ца в Таганроге стала оформляться Советская власть.

Пребывание на территории Таганрога украинского Советского правительства (ЦИКУК'а), эвакуировавшегося сюда под давлением наступавших на Украину гайдамацко-немецких войск, вызывало со стороны Совета рабочих депутатов,

и, особенно, окружного Совета крестьянских и рабочих депутатов*), чрезвычайную нервозность и горячие споры на почве того, принадлежит ли Таганрог к Украине. От этого зависило—признают или не признают местные организации Советское правительство Украины, как свою центральную власть, а, тем самым, дать или не дать повода немецким оккупантам для занятия территории Таганрога и округа, как части Украины. На основании договорных условий с российским Советским правительством, Таганрог и округ, как принадлежащие к Российской Советской Республике, не могли быть заняты. Так, по крайней мере, рассуждали представители Советской власти в Таганроге, дважды высказываясь за то, чтобы Таганрог и округ, по тяготению, были присоединены к Донской Советской Республике.

В результате позиции местных организаций и соответствующих директив Москвы по этому вопросу, ЦИКУК'а должен был, в апреле 1918 г., уйти в подполье, образовав особый повстанческий центр.

К этому времени, в Смоленске, правительство РСФСР вело переговоры с украинской буржуазной радой о мире, и о границах гайдамацкой Украины, претендовавшей на 9 губерний, в том числе—на Екатеринославскую в старых границах, т. е.—вместе с Таганрогским округом.

Несмотря на уход украинского Советского правительства, на территорию округа надвигалась непосредственная опасность оккупации.

Совет рабочих депутатов, предвидя судьбу Таганрога, на совместном заседании с Окружным Комитетом крестьянских и рабочих депутатов пытался отбить, предрешенное германским командованием, наступление на Таганрог.

Решение совместного заседания имеет весьма ценное значение с двух сторон: надеялись на присоединение Таганрога к Донской Республике, что, в связи с извещением Совнаркома РСФСР Донской Республике—о приостановке военных действий с Украиной, и о вхождении в состав РСФСР, на-ряду с другими губерниями, и Области Войска Донского, —давало повод думать, что немцы не будут наступать и на Таганрог Х); во-вторых, дабы окончательно освободить Таганрог и округ от „украинского духа"—Совет отмахивался от всех представителей украинского командования, чтобы немцы не могли предположить, что Таганрог связан территориально с Украиной. Для характеристики этого мнения помещаем полностью текст этого постановления:

*) Здесь мы подчеркиваем название „крестьянских и рабочих депутатов", в отличие от—„рабочих и крестьянских депутатов".

Х) См. „Вестник Таганрогского Совета Раб. Депутатов", № 3.

1)„Принимая во внимания решение 4-го всероссийского С'езда Советов, а также присоединение областного С'езда Советов по вопросу о ратификации мирного договора, исходя из того, что Таганрогский округ, по признанию украинской рады, не принадлежит к Украине—мы находим, что попытки втягивания в войну с какой бы то ни было стороны—недопустимы. Не имея уверенности в том, что германо-гайдамацкие банды могут остановить свое дальнейшее движение, дойдя до границы Донской Республики, необходимо сейчас-же приступить к организации и формированию революционной армии, которую выдвинуть к границам республики на тот случай, чтобы дать отпор, если империалистические войска вторгнутся в пределы Таганрогского округа.

2) Что же касается назначения т. Беленковича на пост военного комиссара гор. Таганрога и его округа, назначенного тов. Антоновым, то, принимая во внимание, что т. Антонов является главковерх войск Украины, а Таганрогский округ принадлежит в Донской Республике, следовательно распоряжение т. Антонова для Таганрога и округа не обязательны, об'являем т. Беленковичу, что местная Советская власть не может допустить его к исполнению обязанностей военного комиссара г. Таганрога и округа. *)

3. Поручить т. Родионову, как военкому округа, принять срочные меры по организации отрядов для защиты Донской республики, установив тесный контакт с военным комиссаром Донской Республики, и принять самые энергичные меры к разоружению тех отрядов, которые не являются дисциплинированными войсками Советской власти, а хулиганствующими бандами.

4. Отступающим украинскмм отрядам Советской власти, при вступлении на территорию Донской Республики,—предлагать ультимативно—вступать в распоряжение военных властей Донской Республики, в лице военного комиссара Таганрогского округа, подождать приезда чрезвычайного комиссара от Донской Республики, и временно руководствоваться резолюцией, принятой настоящим заседанием по вопросу об охране округа от гайдамацких банд. Отряд Шульца немедленно отозвать в Таганрог".

Совет Рабочих Депутатов, как мы видели из резолюции, делал организационно-военные выводы. Он не отказывался от мысли, что германцы, возможно, не остановятся перед нарушением мирного договора правительства

*) Тов Беленкович действительно был назначен военным комиссаром округа, но, видя сопротивление местных организаций. сам отказался от этого поста.

РСФСР с радой. Задолго до наступления германцев, военные комиссары города и порта, Родионов, Зубец и Кануников, вели горячую агитационную и организационную работу по сплочению революционных рядов имеющихся красных отрядов, по организации новых полков и батальонов—пулеметных, морских, пехотных, артиллерийских, и прочих. В газетах, листовках, приказах можно было встретить горячие призывы к населению, вроде:

„Вернее прицел. Смелей рука. Дружней вперед. Комиссары и командиры частей,—первые в ряды революционной Красной армии. Еще миг, еще один дружный напор, и от края и до края, от Советского Дона до окровавленного Днестра и социалистической Невы пронесется слава вам—беззаветным борцам за пролетарское дело".

...„Строго внушайте революционеру-борцу любовь к защите революции и стремление к победе"...

Среди всевозможных революционных воззваний можно было видеть, как Совет, напрягая все силы, старался вовлечь все боевые слои населения в предстоящую борьбу.

Военнопленные также вовлекались в ряды революционных полков и различных отрядов.

С тех пор, как Совет своим постановлением решил оборонять подступы к границам Донской Республики,—революционно-военная горячка охватила всех революционно настроенных трудящихся. Рабочие формировали первый и второй таганрогские полки, обучались наспех боевому делу, накапливали военные припасы, оружие, аммуницию, и проч. Организовывались революционные отряды латышей и чехо-словаков, призывались на службу пулеметчики, пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, саперы, телеграфисты, связисты и разведчики.

Прибывший в Таганрог боевой летучий отряд особого назначения, под командой тов. Каски, пополнял свои ряды таганрогскими пролетариями, и готовился к выступлению против немецких отрядов, уже находившися близ Донсцкой Республики.

К концу апреля для Таганрогского округа создалась непосредственно угрожающая военная обстановка, т. к. к этому времени германцы приближались к границам Таганрогского округа. На фронте, с юга, по направлению к Мариуполю,—германцы находились вблизи него, а сам город был еще в руках союза фронтовиков. С севера германцы были на участках Ясиноватая—Криничная—Успенка. Вследствие этого, ЦИК Донской республики поручил представи-

телям таганрогского Совета Раб. Депутатов вступить в мирные переговоры с австро-немецким командованием. Совет выделил делегацию в составе т. т.: Глушков Антон, Шаблиевский, Поляков, Данилов, Ермаков, Божанов, Калабухов. Для переговоров с войсками центральной рады и австрогерманским командованием в мариупольском направлении были направлены т. т. Калабухов и Шаблиевский, а на Иловайский фронт были командированы Данилов, Бажанов, Зарайский И. С. и другие.

Первая делегация, не доезжая Мариуполя, остановилась в деревне Косоротово, что в пяти верстах от Мариуполя, и, переночевав в ней, даже не соприкоснувшись с немцами, должна была выехать обратно, т. к., по сведениям, данным крестьянами и жителями окрестности, немцы со всеми подобного рода делегациями жестоко расправлялись.

Другую,—Иловайскую делегацию, постигла также неудача. Германцы 3 дня вели с нею разговоры, после чего она рассеялась вследствие наступления немцев и отказа их доставить делегацию на линию советских войск.

Когда Совет Раб. Депутатов обсуждал резолюцию об обороне города, между большевиками и левыми эс-эрами разгорелся горячий спор о том, принимать ли бой с превосходно технически вооруженным противником. Большевики настаивали на том, чтобы ограничиться лишь восстановлением границы, путем обозначения ее красными флажками, доказывая, что телеграмма В. И. Ленина не дает никакого повода к вооруженному отпору.

Телеграмма эта гласила: „Москва, 21 апреля 1918 г. Из Москвы Совет Народных Комисаров сообщает Донской республике, что, по постановлению Совнаркома от 18-го апреля, губернии: Курская, Орловская, Воронежская и Тульская, а также область Войска Донского и Крым, даже по одностороннему заявлению киевской рады, воспроизведенному и удостоверенному в радио германского правительства от 29 марта с. г., входят в состав Российской Федеративной Советской Республики. В виду этого на их территории не должны распространяться военные действия, ведущиеся на Украине; переходящие на эту территорию войска обоих воюющих сторон подлежат немедленному безусловному разоружению. Распоряжение это должно быть передано местным Сов. Депам, и начальникам военных частей, к немедленному исполнению. Председатель Совнаркома Ульянов-Ленин. Управляющий делами Бонч-Бруевич. Секретарь И. Горбунов.“

Большевики категорически стояли за поддержку этого

постановления Совнаркома. Левые эс-эры, во главе с председателем Совета Раб. Депутатов, т. Иванцовым, оказавшиеся в большинстве, провели, уже упомянутую нами, резолюцию. *)

С апреля, вплоть до вступления немцев в Таганрог, на некоторых главных руководящих местах находились левые эс-эры: председатель Совета Рабочих Депутатов, председатель Окружного Совета Крестьянских и Рабочих Детутатов, военные комиссары—Родионов и др. Правда, в качестве заместителей и в президиумах этих организаций были большевики, проводившие директивы нашей партии, но все же в проведении военных мероприятий, в области обороны границ живое участие проявляли левые эс-эры.

Этим мы не желаем сказать, что и большевики не принимали участия в военных мероприятиях для вооруженного отпора. Но обстоятельства, создавшиеся в то время, диктовали иную тактику в борьбе с немецкой оккупацией.

С самого начала Брестского мира эс-эры вообще, и левые, в частности, никогда не были согласны с большевиками и с их тактикой в Бресте. Они были против этого мира, требуя осуждения всех тех, кто подписал этот „позорный“ мир. Правда, когда украинская буржуазная рада стала продавать Украину, левые эс-эры не пошли за оппортунистами из лагеря меньшевиков и правых эс-эров, но не соглашались и с тактикой большевиков, требовавшей мира с немцами, как передышки, необходимой для революции.

В марте м-це 1918 г., почти за полтора месяца до принятия апрельской резолюции, таганрогские эс-эры, на крестьянском с‘езде депутатов, заявили, что они выносят самое строгое порицание всем социалистическим партиям, внесшим раскол в среду русского пролетариата (т. е. большевикам), а подписанные мирные условия в Бресте, „без санкции русского народа“,—считают незаконными. С‘езд протестовал против „самого позорного мира“, требуя расследования причин подписания его. Тот же с‘езд постановил мобилизовать молодых людей, от 18-ти до 23-х лет, для организации партизанских отрядов, а лиц, скрывавшихся на предприятиях и работавших на оборону во время войны с Германией, мобилизовать в первую очередь до 40 лет включительно.

*) На этом собрании присутствовали от большевиков—Глушков Антон, Медовщиков Леонид, Стернин В., Федоров, Данилов, Витковский, Корнеев и друг. От левых эс-эров: Иванцов, Беззубый, Родионов, Зубец, Стуканев, Иван, Глазко, Лисицкий, и ряд других.

Действуя таким образом, эс-эры свои военные подготовления не только не скрывали, но и опубликовывали в печати, для того, по выражению тогдашнего председателя Совета Рабочих Депутатов т. Иванцова, чтобы „напугать немцев."

Несмотря на это, немцы не испугались и повели наступление, ибо публикуемые резолюции давали им повод к прямому нарушению договора, и для вступления в пределы Донской Республики.

По поручению Совета Рабочих Депутатов военные комиссары Родионов и Зубец, для организации обороны границ, стали организовывать революционные полки Таганрога.

В то же время прибыл кавалерийский отряд т. Шульца.

Тов. Шульц—рабочий Русско-Балтийского завода, работавший там, как австрийский военнопленный. Во время особо острого момента по борьбе с корниловской контр-революцией, Совет поручил ему организовать кавалерийский эскадрон и двинуться на Кубань. Это было в начале марта. 15-го марта эскадрон двинулся к Краснодару. 18-го, днем, генерал Корнилов был убит снарядом под Краснодаром в местечке Гначбаум, в тот момент, когда он составлял план последней попытки взять штурмом город. Это и решило исход боя. Только поэтому отряд Шульца не принял участия в сражении. Возвратившись в Таганрог, он принял охрану города, каковую нес до самого отступления.

В порядке организации обороны, около ст. Марцево решено было рыть окопы. За городом, в посадках, близ Котельного завода, устраивались проволочные заграждения.

„Вестник Таганрогского Совета Рабочих Депутатов" писал, что „в городе уже введено осадное положение и никто не в состоянии сказать, что будет завтра."

Но еще на несколько дней раньше Совет, учитывая это положение, усиленно готовился к отпору. Немцы, к 27 апреля, находились уже в нескольких переходах, по железной дороге, от Матвеева-Кургана.

25 апреля Родионов, под командой коего находились все военные силы Таганрога, об'явил приказом запрещение всем начальникам отрядов отлучку из своих отрядов, а красноармейцам-появление на улицах с оружием без всякого дела. Военно-морской комиссар Канунников, в свою очередь, запретил с 9 часов вечера всякое движение в порту. Судовым командам было приказано находиться на своих местах бессменно. Суда эти должны были быть в полной готовности к отплытию.

Внутри города, среди местной буржиазии, начался перелом. От январьского испуга она переходила к более оживленному состоянию. Уже началось чувствоваться, что среди их приспешников-меньшевиков проявлялось злорадство и, что самое неизбежное в этих случаях, поползли самые невероятные слухи. Агитация контр-революции наводила чрезвычайную панику на население. Немцы, как спасители от большевиков, были на языках у всех обывателей. Дошло до того, что Канунников в приказе об'явил, что: „За распространение ложных провокационных слухов виновные будут подвергаться расстрелу."

К 28 апрелю напряженное состояние в городе дошло до наивысшей точки, о чем можно судить по статейке, напечатанной в „Таганрогском Вестнике" от 11 мая 1918 г., № 23. Газета писала: „Кто из граждан не помнит переживаний последних ночей 28, 29 и 30-го апреля нового стиля. Эти ночи долго будут памятны. Многие из граждан за эти три ночи постарели на десятки лет. 1 мая грозило быть чреватым для таганрогских „буржуев", но неожиданно явились германцы и в городе воцарился порядок."

Не может подлежать сомнению, что местная буржуазия осведомляла германское командование о состоянии города и о всех мероприятиях Совета Рабочих Депутатов. 1-е мая до того напугало ее, что она форсировала события, поторопив наступление немцев.

Поведение буржуазии слишком бросалось в глаза. В связи с этим, по докладу тов. Глушкова А., Совет Рабочих Депутатов принужден был издать постановление, согласно коего решено было очистить весь город от буржуазии, погрузив часть их на баржи, а остальных направить грузить снаряды и рыть окопы на границах Донской Республики. В этом-же заседании была избрана эвакуационная комиссия, об'явлена мобилизация от 18 до 40 лет, выделена комиссия по снабжению армии продовольствием и обмундированием. Совет выделил 8 человек для работы в штабе. Это были т.т.: Котляревский, Гологанов, Медовщиков, Жогло, Чуприна, Сусков, Белецкий и Филиппенко И. Совет самомобилизовался. Все члены Совета Рабочих Депутатов должны были влиться в ряды Красной армии.

28 апреля, в 7 часов утра, решено было дать гудки по всем заводам и, созвав всех рабочих, сформировать из них отряды, выдать им соответствующее оружие, а затем, во главе с членами Совета Рабочих Депутатов, выступить на фронт для борьбы с немецкими войсками. Заводы Совет решил закрыть, уплатив всем рабочим жалованье вперед за

два месяца. Несколько раньше, еще до апрельского постановления Совета, рабочие отряды уже были отправлены на фронт, в распоряжение штаба Главкома Антонова—1-й таганрогский ж.-д отряд, под командой т. Глушко Федора.

Город принял вид боевого лагеря. В ночь под 29 апреля, по направлению к М.-Кургану, был выдвинут на позицию революционный отряд особого назначения, во главе с т. Каска. При первой стычке с германскими полками—красные отряды потеряли убитым своего командира.

Германская техника, тогда еще железная дисциплина в войсках кайзера, заставили дрогнуть наскоро сколоченные революционные части и по всему фронту началось стремительное отступление. Эта неудачная операция вызвала в городе панику. Отряды, стоявшие наготове для наступления на фронт, повернулись лицом к Ростову. Началась самая поспешная, какую можно только представить, эвакуация, а еще накануне ни Совет Рабочих Депутатов, и никто, из рабочих, не думали об этом. Союз увечных воинов и союз бывших солдат-фронтовиков перешли в руки контр-революции и по существу, исполняли ее черновую работу. Последние члены Совета грузились в порту для отплытия на Ейск. Задержавшиеся в городе арестовывались членами союза солдат, в целях передачи немцам.

К этому времени германские войска продвинулись к ст. Марцево, находящейся в 3-х верстах от города.

1-го мая, в 11 часов утра, по инициативе городской управы, состоялось экстренное совещание представителей городского самоуправления и политических партий, в лице меньшевиков и эс-эров, союза солдат, совета профсоюзов, союза увечных воинов и профсоюза железнодорожников, для обсуждения создавшегося положения в городе.

На этом заседании выяснилось, что на вокзале получена телефонограмма от германского командования, с предложением выслать делегацию, для определения порядка вхождения германских войск в город. Делегации давался двухчасовой срок. Неприбытие делегации к 12-ти часам дня вело за собою последствия, вплоть до применения артиллерийского огня по городу.

Около 12-ти часов делегация экстренного совещания направилась на ст. Марцево, занятую уже немецким броне поездом, но, не доезжая ст. Марцево, в районе Котельного завода, встретилась с бригадным штабом и вступила с ним в переговоры. Начальник бригады полковник Бопп заявил, что германские войска явились в Таганрог, с согласия украинской рады, с целью помочь населению восстановить по-

рядок, но отнюдь не в качестве врага(?!) Далее Бопп указал, что снабжение и размещение войск германцев всецело ложится на городское управление, а также и ответственность за могущие быть нападения на германские войска ложится как на органы самоуправления, так и на все население города.

После взаимных переговоров, делегация, на бронированном поезде, обратно направилась в Таганрог.

В заявлении полковника Боппа мы получаем весьма ценное доказательство того, что украинская рада, ведя в Смоленске с правительством РСФСР переговоры, была бессильна, при всем даже своем желании, дать какие-либо гарантии на выполнение взятых обязательств. Здесь мы приводим действительные причины занятия германским командованием Таганрогского округа.

Значительная часть угольной и металлургической промышленности Донбасса находилась в Таганрогском округе. Из добытых в 1913 году, в Донецком бассейне, 290½ милл. пудов антрацита, на один Боково-Хрустальский район (часть Таганрогского округа) приходилось 94 милл. пудов, т. е. около 32¾% всей добычи. (Сборник „Донецкий антрацит", Харьков, 1915 г.). Если же принять во внимание богатые каменноугольные копи юго-западной части округа (район Зуевский и Макеевский), то общее участие Таганрогского округа в добыче минерального топлива выражалось в цифре, близкой к 40% добычи. („Южное Слово", № 77, за 1918 год).

Сумма всего заводского производства Донской области выражалась, в 1912 г., цифрой—61.574.733 рубля. Из этой суммы около половины (30.244.620 руб.) приходится на металлургические заводы Таганрогского округа. Всего в Донской области больших металлургических заводов насчитывалось три: Сулинский (в Черкасском округе), Таганрогский и Макеевский (Таганрогского округа). В 1903 г. последних 2 завода произвели мартеновской-томассовской стали на сумму 7.843.679 рублей, а Сулинский—только на 2.116.389 рублей, т. е. производительность заводов Таганрогского округа составляла, в 1903 г., ⅘ производительности всей металлургической промышленности Донской области. В 1912 г. значение заводов Тагокруга еще более усилилось, и давало, из 30-миллионной выручки металлургических заводов Донской области, не менее 25 миллионов.

Таким образом мы видим, что, даже по цифрам 1912 г., Таганрогский округ, из всех округов Донской области и даже Украины, был самым передовым, а в отношении металло-

обрабатывающей промышленности стоял на первом месте. В отношении же всей продукции, которая доставлялась югом России, на таганрогские заводы падало около 10% продуктов и полуфабрикатов. Так, например, в 1916 г. производительность юга составляла, в среднем, 65% производительности всей железо-делательной промышленности России (См. „Горнозаводский Листок", 1917 г.). И, таким образом, во всей железо-делательной промышленности России Таганрогский округ участвовал в размере 6,5%. Если учесть богатую продукцию сельского хозяйства, то станет ясно, что привлекало к Таганрогу германское командование.

Видно, что для германцев „игра стоила свеч", и пресловутая украинская рада, в руках германского империализма, была ничем иным, как прикрытием его грабительской политики.

Перед отступлением газета „Известия Сов. Раб. Деп.", от 30-го апреля, писала в статье „На перепутьи": „Грозный час настал для Таганрога. Надежде на то, что смоленские переговоры приведут к немедленному миру, и что Таганрог останется вне международных споров и боевых действий, —этой надежде, повидимому, не суждено оправдаться".

Между тем экстренное совещание выпускало бюллетени, извещая население города о тех мероприятиях, какие оно принимало в отношении приближающихся к городу немцев. Бюллетени эти выпускались почти каждый час. Выпустив третий бюллетень,—экстренное совещание разошлось, предоставив городской управе действовать на свой страх и риск.

К вечеру 1-го мая, в 3—4 часа дня, первые немецкие отряды заняли ст. Таганрог, а ночью вошли в город.

Господство немцев.

Первым актом германского командования было — об'явление 3-го мая приказа, в котором начальник бригады полковник Бопп пояснял, зачем прибыли германцы.

Германское командование строго запретило появляться на вокзале и на территории железной дороги всем, кроме железнодорожных служащих. Частные телеграфные и телефонные сношения были прекращены. Оружие предлагалось в течение 48-ми часов сдать немцам. Запрещались всякие сборища повсюду, даже в ресторанах. Жизнь в городе начиналась с 9 ти часов утра и прекращалась в 9 часов вечера. Был введен целый ряд мер, направленных к установлению военного порядка. Кроме этого, в приказе, курс русского рубля комендантом устанавливался в 33$^1/_2$ пфенига (тогда как германская марка стоила 37 коп).

Правила о сдаче оружия не распространялись, конечно, на явно контр-революционный союз фронтовиков и белогвардейский союз увечных воинов. Буржуазия вздохнула полной грудью. Местная черносотенная газета „Таганрогский Вестник" вновь воскресла и, выражая мысли многих мещан и буржуа, писала в своем бюллетене от 9-го мая 1918 года:

„После трех месяцев вынужденного молчания, мы опять получили возможность говорить... Ошибки большевиков тяжки". Далее газетка заявляет: „Новый политический курс там, где не встретится высших препятствий, должен состоять, очевидно, в примирении и об'единении политических партий и всех живых творческих сил".

Этот „примиренческий" тон газетки был лишь фиговым листком. Жизнь говорила совершенно иное. Аресты и расстрелы, обыски и доносы показывали действительного хозяина и его политику.

Красновщина начала утверждаться на Дону. Уже 5 го мая генерал Краснов образовал донское правительство, а 6-го корниловцы, совместно с немецкими войсками, заняли Ростов-на-Дону. Первые ударные отряды полковника Дроздовского вошли в Ростов еще 4 го мая.

Гражданская война на юге, самая ожесточенная, самая кровопролитная, только начиналась.

На Украине Скоропадский издавал смехотворные грамоты украинскому народу. Он, об'являя себя „верным сыном Украины", обещал устроить такие порядки, которые смогут устранить и голод и междоусобицу, а, пока что, об'-

явил себя гетманом Украины, усевшись на „престол“ в Киеве.

Германцы, с водворением в Таганрогском округе, немедленно принялись усиленно выкачивать хлеб из деревни, а рабочие и трудовое крестьянство увидели, что приобретенные ими, ценою потоков крови, завоевания вновь попали в руки контр-революции.

Рабочие Таганрога, главным образом крупных предприятий, были, в большинстве своем, вне заводов. Металлургический, Котельный, Кожевенный, Авиационный и Балтийский заводы почти совершенно не работали, став на консервацию. Работа этих заводов была прекращена еще в апреле месяце, постановлением Совета Рабочих Депутатов. Это было похоже на молчаливый протест оставшихся рабочих против оккупантов.

Были и такие рабочие, которые не захотели остаться. Лучшая, революционная часть пролетариата, сорганизованная в революционные полки и отряды, отступила для соединения с частями Красной армии. В полках и отрядах была большей частью молодежь, с энтузиазмом боровшаяся в январе 1918 г. Она же в мае ушла из Таганрога на революционные позиции, для продолжения борьбы.

После ухода красных безработица в городе приняла массовый характер. Нужно принять во внимание, что тогдашняя Биржа Труда не регистрировала всю массу рабочих, и все же имела, к 1-му июля 1918 г., зарегистрированных и посещающих Биржу Труда—1773 человека. Это подтверждает и „Южное Слово“ (№ 3, от 19-го мая 1918 г.), заявлявшее: „Несмотря на значительный рост безработицы, вследствие приостановки почти всех заводов,—на Бирже Труда отмечается уменьшение посещаемости ищущих труда“. Рост безработицы все время прогрессировал и борьба с ней стала в порядок дня даже городской думы.

Что касается цен на жизненные продукты после ухода большевиков, если мы возьмем некоторые цифровые данные, по официальным сведениям городской управы, и сравним с ценами конца 1917 и начала 1918 г.г., то прогрессия их к увеличению будет видна из следующей таблицы:

ЦЕНЫ.

	В 1917 г.	В 1918 г.
Говядина фунт	80 к	1 р. 80 к.
Сало свиное	1 р. 40 „	6 „ 50 „
Масло коровье	1 „ 90 „	8 „ 00 „

Яйца—десяток	1 р. 10 к.	3 р. 50 к.
Молоко—четверть	1 „ 00 „	4 „ 50 „
Картофель—пуд	12 „ 00 „	25 „ 00 „
Хлеб печеный—фунт	0 „ 11 „	1 „ 20 „
Спички—пачка	0 „ 55 „	3 „ 50 „
Масло подсол.—фунт	0 „ 42 „	3 „ 50 „
Чай—фунт	3 „ 00 „	60 „ 50 „
Сахар	0 „ 22 „	9 „ 00 „
Мыло прост.—фунт	0 „ 50 „	7 „ 00 „
Уголь с доставкой—пуд (на гор. угол. складе)	0 „ 75 „	2 „ 90 „
Ботинки, за пару	50 „ 00 „	180 „ 00 „
Костюм	90 „ 00 „	900 „ 00 „

Ясно, что экономическое положение рабочих все время ухудшалось и вызывало глухое недовольство. Недовольство это отражалось в различных забастовках, прошедших почти через весь 18-й год. Хотя все забастовки шли под лозунгом экономического улучшения быта трудящихся, но уже в забастовке железнодорожной имелся и политический смысл. Рабочие постепенно начинают понимать необходимость борьбы и ищут руководителя. Большевики были загнаны в подполье репрессиями немцев, и не было никакой возможности руководить активностью масс.

Особенно свирепствовали офицерство и пьяная белогвардейщина. В первое время пребывания немцев организовывались целые экспедиции. Обыкновенно оцеплялся весь город, и в рабочих кварталах шел буквально поголовный обыск. Местное и прибывшее офицерство, с помощью предателей, руководили этими облавами, терроризуя рабочее население города. Малейшее подозрение в большевизме каралось смертью. Многие запарывались до смерти, или же зверски замучивались при допросах. Семья заподозренного или ушедшего с Красной армией из Таганрога также подвергалась истязаниям и издевательствам.

Рабочие хижины были напуганы, предательство даже здесь находило себе место.

Обвинение в большевизме считалось самым страшным и самым тяжким обвинением. При германской комендатуре работала особая комиссия по рассмотрению всех заявлений о „преступных“ действиях большевиков. Эта комиссия имела особые полномочия и через нее прошло огромное количество дел.

Только с началом пуска больших металлических заводов, дыхание политической жизни, а, вместе с тем, и ра-

бота большевиков вновь стали просачиваться в ряды таганрогских пролетариев.

В одном из приказов немецкой комендатуры, командир Швейцербарт совершенно запретил вывоз фуража, продуктов и всех товаров, необходимых для населения и германских войск, из пределов округа и города. В приказе указывались границы всего округа, через которые нельзя было провозить продовольствие. На местах запрета немцы выставляли патрули, строго следившие за вывозом продуктов.

Запрещение это было связано с тем, что оккупанты начали выколачивать из округа хлеб и вывозить его в Германию, выполняя „договор“ с украинской радой.

Естественно, что все эти мероприятия создавали весьма напряженную обстановку, как в городе, так и в округе. Мы уже видели подавленное настроение среди рабочих. Такое же настроение и постепенное наростание недовольства наблюдались и среди крестьян. Германцы отбирали продовольствие не только для своих войск, стоявших в округе, но и для вывоза в Германию. Германцы очень „добросовестно“ относились к делу реквизиции и конфискации. Не стесняясь, они брали все,—даже старое железо, медь, старые части машин, пищу, яйца и т. д., и вагонами направляли все это в „неизвестном направлении“. Были случаи, когда железнодорожники, в знак протеста, груженные германцами вагоны отправляли совершенно не по тому адресу, какой требовался немцами.

Репрессии немцев в отношении большевиков все усиливались. Вдохновителями этого являлись, главным образом, свои отечественные черносотенные офицеры. Все эти „обиженные сыны родины“ — союзы фронтовиков, союзы офицеров, вдовствующие мамаши, возвратившиеся помещики и прочая бологвардейщина,—требовали кровавой мести.

Немногим ранее перед вступлением немцев в г. Таганрог, по Таганрогскому округу двигался знаменитый отряд Дроздовского, стяжавший себе мрачную славу своими кровавыми расправами и убийствами рабочих и крестьян.

Этот генерал пишет: в своих воспоминаниях:

4 „Встреча в станице, первой станице Войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами-пешая и конная сотня, отдание чести, воинский вид, вражда между половинами населения—пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще

одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме комитетчиков. Колонна отдает честь, ура, рапорт офицера.

„Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение. Хотя сильно хотелось постоять—казаки исключительно радушны... В станице и соседних поселках идет обезоружение неказачьего населения. Тюрьма пополняетя изо всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов—колесо истории вертится. Много главарей расстреляно...

„Стали на ночлег в Федоровке—одна из паскуднейших деревень Таганрогского округа, гнездо Красной Гвардии и ее штаба. Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие. Много перехватили разбегающихся красногвардейцев, захватили часть важных, прапорщика, начальника контр-разведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Ново-Николаевской, и т. п. 3-х повесили, оставили висеть до отхода“...

В особенности репрессии усилились после красного дессанта.

По официальным данным германского командования и тогдашних газет „Южное Слово“ и „Таганрогский Вестник“, мы узнаем, что в 4 часа утра 10 июня 1918 г. со стороны моря большевистские суда высадили дессант и обстреляли город, вызвав чрезвычайную панику среди буржуазии.*)

Местный союз офицеров моментально мобилизовался на случай выступления рабочих. Он же нес и охрану города. Немцы спешно стянули все войска со всего округа, от Харцызска до Таганрога и Ростова. Конные раз‘езды, милиция, все было поставлено на ноги. Рабочие заняли выжидательную позицию.

Среди них шныряли шпионы и прислушивались к их настроению. С $6^1/_2$ часов вечера того же дня прекратилось всякое пассажирское и грузовое движение. Через особых герольдов германцы об‘явили город на военном положении, которое до этого уже было снято. С 3-х часов дня (11-го июня) немецкие патрули впервые вступили в перестрелку с красными частями, а, через несколько часов после этого, в городе появились раненые и убитые. Снаряды дессанта стали громить город. Трусливая буржуазия со своими пожитками

*) Дессант появился со стороны города Ейска и был составлен из отдельных отрядов, эвакуировавшихся туда-преимущественно из кубанцев.

спешно покидала Таганрог. В тот же день большевистские суда подошли ближе к городу. Обстрел города шел сперва по центру его, а затем огонь был перенесен в направлении Русско-Балтийского завода. Вся портовая территория, крепостной и кладбищенский районы, также подверглись ожесточенному обстрелу судов. В $3^1/_2$ часов дня германские тяжелые орудия начали также обстреливать большевистские суда и принудили последних поспешно отойти от города.

Численность дессанта, по немецким сведениям, достигала 8.000 человек, в том числе 2.000 кавалерии. На шаландах помещались орудия. Всего судов было до 15-ти мелких и крупных. Дессант делал попытку двинуться в двух направлениях: к городу и вглубь округа; 12-го июня тяжесть сражения перенеслась к устью Миуса, а 13-го германцы повели наступление по всему фронту, от моря до реки Миуса. Немецкому командованию удалось сделать тыловой удар по красным частям, и последними сражение было проиграно. Дессант был уничтожен почти полностью, немногим удалось спастись.

Теперь репрессии приняли особо жестокую форму. В деревнях, принимавших участие в дессанте, производилось уничтожение целых семейств. Деревня Фурсово, Николаевского района, очень хорошо помнит немецкую культуру. В этой деревне нет ни одной семьи, не потерявшей одного-двух, а то и целиком расстрелянных немцами крестьян. Делалось даже проще:-выжигалась вся деревня.

Различные отряды казаков, рыскавшие в округе, производили над крестьянам суд и расправу. Во всех районах округа помещики мстили крестьянам за разорение, а экзекуторы-казаки выполняли палаческое дело. Крестьян пороли, жгли села, насиловали женщин; убийства приняли массовый характер.-Белый террор и беспощадная месть развернулись во всю ширь.

Вернувшиеся, еще весной, помещики отобрали у крестьян захваченную ими „их“ землю. Крестьяне, зажатые террором, часто, без сопротивления, соглашались на все условия, пред'являемые помещиками.

А в городе безработица все более обострялась. Продовольственный кризис все усиливался. Городская дума, вследствие этого, принуждена была принять резолюцию о хлебной монополии и установила твердые цены на хлеб и предметы первой необходимости, но усиленная спекуляция и мешочничество, и, к тому же, наплыв беженцев, срывали потуги местных „спасителей положения“.

21-го июня на железной дороге началась забастовка и прекратилось железнодорожное сообщение.

Сама железнодорожная забастовка в Таганроге происходила в связи с об'явлением забастовки на всех украинских железных дорогах. Образованный местный стачечный комитет пред'явил администрации ряд требований экономического характера, в том числе, под давлением рабочих, и требование об освобождении арестованных большевиков-железнодорожников. Был также выдвинут вопрос о 8-мичасовом рабочем дне. Главной причиной забастовки послужило уменьшение жалованья всем рабочим и служащим железнодорожного узла.

Германский комендант ст Таганрог издал приказ, в котором заявлял, что он не станет вмешиваться во внутренние дела железной дороги, но требовал недопущения полной остановки железнодорожного движения, в противном случае угрожал репрессиями.

24-го германские власти произвели массовые аресты железнодорожников, с целью заставить их силой восстановить движение, но, продержав арестованных несколько часов в помещении вокзала, они принуждены были всех отпустить.

В следующие дни поезда стали отправляться под охраной германских войск, под управлением, силой взятых, машинистов и кондукторов.

Никакие угрозы начальства не помогали и только лишь 13-го августа железнодорожная забастовка прекратилась. Наряду с этим бастовали также печатники, банковские и аптекарские служащие.

В августе положение все больше ухудшалось. Учительству никто не хотел платить, и оно разбегалось. Вся угольная и прочая промышленность в округе стала. На рынке уголь совершенно исчез, т. к. шахтеры еще ранее, при вступлении в округ казацких и немецких банд, разбежались из шахт, кто—в Красною армию, а кто—просто в более спокойные места. Естественно, что не только угольная, но и вообще промышленность в округе была парализована. Хозяйственный паралич постиг не только металлургическую и угольную промышленность, но и сельское хозяйство. Этому способствовал террор, свирепствовавший со стороны помещиков, германцев и казаков, стекавшихся со всех сторон в округ. Доносы германским властям расцвели в полной силе. В этом мутном хаосе рождалась власть „Всевеликого Войска Донского“.

Красновщина несла лозунги: „Довольно льгот для всех участников большевистского движения“.

Эти лозунги несли с собою еще более разнузданный, ужасный террор трудовому населению, т. к. террор этот был более организованный, и начал проводиться в условиях восстановления царских зубров, цензовых сословий, губернаторов и градоначальства. Полицейская шашка и нагайка, с добавлением шомпольного режима для рабочих и крестьян— вот та „твердая власть“, которая осуществляла лозунг—„довольно льгот для всех участников большевистского движения.“

В начале сентября немцы, совершенно незаметно для населения, исчезли из Таганрога, а через неделю—полторы в городе водворилось градоначальство во главе с Анджиновым В то же время было учреждено окружное атаманство, во главе с атаманом Жученковым.

Этот Жученков, как и подобает царскому жандарму, по своем водворении, тотчас же „отменил“ все законы и декреты Советской власти, упразднил все общества и союзы, закрыл клубы и запретил всякие собрания без особого на то разрешения начальства.

Полицейский порядок царского времени водворялся решительно. Борьба с большевизмом являлась высшей мерой распорядительности, организованности и порядка.

С приходом белогвардейцы немедленно принялись за мобилизацию населения в армию. Зажим рабочих и крестьян производился с новой силой.

Октябрь 1918 г. принес таганрогским рабочим и крестьянам вполне расцветшую махровым цветом монархическую организацию, которая открыто и прямо требовала восстановления царя, распевая и разбрасывая листки с гимном— „боже верни нам царя“.

Чувствовалось, что белые, в лице войскового круга, вполне серьезно и планомерно готовились к походу на Совдепию.

Русско-Балтийский завод был построен в 1916 г., специально для военных целей. То же можно сказать и об аэропланном заводе, и о целом ряде других, которые войсковое правительство приспосабливало для изготовления военных материалов, необходимых для борьбы с правительством РСФСР.

Все это говорило за то, что Таганрогу суждено было стать центром организации антибольшевистского движения. Позже сюда был перенесен штаб Деникина.

Офицерство, имевшее прочное гнездо в Таганроге, по водворении красновщины тотчас-же было мобилизовано и зачислено в ряды белой армии.

Все, кто так или иначе не сочувствовал Соввласти, потянулись в добровольческую армию.

Но мобилизация населения, которую об'явил генерал Краснов, проходила весьма неблагоприятно. Мобилизованные рабочие и крестьяне Таганрогского округа, находящиеся в различных воинских частях белых, разлагали последние и повидимому, так серьезно, что „всевеликое войско донское“ принуждено было издать приказ, отменявший призыв новобранцев в Таганрогском округе, и заменивший его налогом, в 250 рублей с новобранца.

Помимо штрафа, приказ этот преследовал, очевидно, цели морального воздействия на население Таганрогского округа, т. к. приказ особенно подчеркивал „большевистский дух“ новобранцев Тагокруга.

И надо отдать справедливость, что „всевеликое войско донское“ не ошиблось, дав такую оценку Тагокругу. Молодняк, возвращаясь обратно на село, нес еще больший энтузиазм в ряды крестьянства и рабочих Несмотря на репрессии карательных отрядов, отрядов, сорганизованных помещиками из казаков, крестьянство организовывало внутри себя свои отряды и начинало уже партизанские выступления.

Крестьяне сел Латоново, Мокрово-Еланчик, Федоровки, и ряда других, нападали на отряды казаков, уничтожали помещиков, сжигали их усадьбы и всячески мстили за обиды и пролитую кровь.

В свою очередь, карательные отряды контр-разведок беспощадно расправлялись с теми, кто уходил в отряды, сжигая до тла их хаты, грабя имущество, истязая близких и расстреливая заподозренных.

Приведем один случай, происшедший в деревне Степановке, Екатериновской волости, В приказе по этому делу мы читаем, что в деревне Степановке, 20 октября 1918 г. на офицера с шестью казаками напали крестьяне, в результате чего один казак был убит, двое ранено, а офицер попал в плен. Командующий армией на докладе по этому делу положил резолюцию: „За убийство казака повесить десять человек крестьян деревни Степановки, наложить контрибуцию в 10.000 рублей, а за пленение офицера сжечь деревню“. Приказ был подписан генералом Денисовым. Приказ печатался и расклеивался всюду, как говорилось в нем для „устрашения жителей“.

Таким образом, к концу 1918 года, после шестимесячного господства германского лейтенанта и пьяного разгула белой гвардии, не только рабочим и крестьянам, но и обывателю стало ясно, что истории угодно было лишь на весьма короткое время допустить реставрацию порядков помещика и буржуазии. К этому времени в настроении масс начался перелом. Для изменения хода исторических событий буржуазия приняла все, давно испытанные, средства: карательные отряды, провокаторы, шпионаж, предательство, подкуп, расстрелы через военно-полевые суды, расстрелы „при побеге", а чаще-убийства без об'яснения причин.

Достаточно сказать, что в сравнительно небольшом городе, как Таганрог, действовали 4 контр-разведки: в обязанность последних входило искоренять **всеми мерами и средствами** малейшие признаки большевизма.

Контр-разведки были размещены: 1) Кавказская контрразведка-Итальянский 30, 2) Донская-гостиница „Бристоль". 3) Добровольческая-Николаевская 80, и 4) 2-ая Кавказская-Депальдовский № 31. Каждая разведка располагала специальными карательными отрядами, наводившими ужас на население.

Вот в такой обстановке 12-го декабря 1918 г. был организован 1-й подпольный комитет большевиков в Таганроге.

НАЧАЛО ПОДПОЛЬЯ.

Организация подпольного большевистского комитета.

Основным моментом, способствовавшим созданию подпольной организации, явился пуск Металлургического и Балтийского заводов. *)

Крестьяне также, находясь под постоянным террором и произволом властей, искали такой организации, которая помогла-бы им организоваться для свержения ненавистной белогвардейщины.

В селе Б.-Кирсановке в это время нелегально проживал матрос Косушенко, старый революционер-большевик. Последний имел связь с Донским Областным Комитетом или, вернее, с отдельными работниками Дон. Обласкома. В ноябре, после жестоких репрессий в округе, из села Латонова к т. Косушенко прибывают два большевика, т.т. Монченко Николай и Козлов Петр. Косушенко им сообщает о предполагавшейся организации подпольного комитета в Ростове н/Д., и что также решено организовать подпольный комитет и в Таганроге. Это предложение было принято Козловым и Монченко.

Получив от т. Косушенко небольшое количество листовок и большевистских газет, Козлов и Монченко прибыли в начале декабря в Таганрог. В день приезда, вечером, они встретились в Таганроге с т. Наливайко, рабочим Метал-

X) Многие из работников подполья утверждают, что еще до организации подпольного комитета, среди сознательных рабочих существовали отдельные подпольные большевистские кружки. Мы вполне допускаем это. Но они не имели связи с другими организациями. Ячейка, по словам т. Иващенко Н. В., была сорганизована на квартире Иващенко по Донскому пер. № 16 еще в мае м-це 1918 г. В эту ячейку входили: т.т. Иващенко Н., Артисевич, Корецкий, Шаболтас Б., Шуенко Иван, Клейменов, два брата Колины, В. и Мария Тищенко. Вскоре, в связи с арестами Вл. Тищенко (убит агентами контр-разведки на углу Митрофановской и Кампенгаузенского пер.), Артисевича, братьев Колиных и Ивана Шуенко, ячейка эта распалась. Ячейка эта не имела никакого руководства и работала на свой страх и риск. Так, она убила одного из провокаторов, Михайлова Никиту, пом. машиниста Таганрогского узла. Занималась экспроприациями с целью отобрания денег для покупки оружия. Она пыталась завязать связь с Донбюро, но не добилась этого. Впоследствии все ее члены вошли в ячейку подпольщиков по месту работы.

лургии, обсудив вместе с которым вопрос об организации комитета, передали Наливайко листовки и газеты. На другой день листовки были распространены по заводам.

Листовки призывали к свержению белогвардейщины на Дону. Эти листовки, впервые за восемь месяцев царствования белогвардейцев в Таганроге, красовались в различных районах города и на стенах вокзала. Этим было положено начало подполья.

После переговоров Козлова и Монченко с Наливайко, они вновь направились в Б.-Кирсановку, где застали Соловьева, о котором Козлов и Монченко имели сведения от Косушенко. На ночном заседании большевиков в Б.-Кирсановке, где присутствовали: Соловьев, Косушенко, Козлов, Монченко, Пауков и Комаров (двое последних были также рекомендованы Косушенко), было решено организовать в Таганроге подпольный комитет. Организационная часть была поручена Соловьеву. Соловьев, прибыв в Таганрог, переговорил с Наливайко и выехал в Ростов, в Донской областной комитет, за директивами. Обратно в Таганрог он вернулся с Карагодской-Малиновской Марией, после чего вскоре же был оформлен 1-й подпольный большевистский комитет.

В комитет вошли сперва двое товарищей: Наливайко, в качестве председателя, и Карагодская-Малиновская, в качестве казначея.

Кроме Карагодской, в комитете, в качестве инструктора-курьера, работала работница Аня (фамилия коей пока не установлена), под псевдонимом „Пулемет". Этот товарищ был прислан для связи с комитетом по рекомендации Соловьева и Косушенко (рабочие Петровского завода ст. Енакиево). Последние вели работу по созданию на заводах ячеек, а также по снабжению литературой.

Дня через три после организации комитета, в него был введен т. Фалин Василий, работавший тогда на Металлургическом заводе. Позже, по мере организации на предприятиях ячеек, в комитет вошли т.т. Головин Михаил и Ларин А. А. В работе комитета активно участвовали т.т. Монченко Н. и Козлов П. П. Впоследствии работала, в качестве курьера от Донбюро, некто Елена, по кличке „Красный крест". Позже, когда уже на основных промышленных предприятиях были созданы ячейки, от электростанции для работы в комитете был введен Москатов П., в качестве его члена. Деятельность комитета, уже через короткое время, дала свои результаты Почти на всех предприятиях, даже и в военных частях белых, работали подпольные ячейки большевиков. Тоже и в округе. В городе ячейки существовали на Метал-

лургии, Балтзаводе, Котельном, Большом и Малом Кожзаводах, желдороге, электростанции и в порту.

Связь ячеек с подпольным комитетом осуществлялась по Металлургии через Сухорученко Федора, по Котельному заводу через Шуваева И.И. и Большунова, Балтзавод—через Суровцева, Электро-станция—Москатова, Порт—Колодезева и Давиденко, Кожзаводы—Беляева Александра, Желдороги—Шаповалова Ивана.

В селах имелись ячейки: в Большой Кирсановой, Ряженом, Латонове, Федоровке, Александровке, Николаевке, Больше-Крепинской, Матвеев-Кургане, Никандрове, Николаево-Милентьеве, Троицком, Бессергеновке, Вареновке, Армянской косе Курлацком, Петрушино, Малковке и ряде других. Всего ячеек комитетом было организовано за короткий промежуток времени: в округе 31, в городе 9.

Ячейки в округе держали связь с комитетом: Ряженская через Старченко Ивана, а затем Рыбальченко, Латоново через Монченко Николая, Федоровка — Безродного, Николаевка—Авилова, Больше-Кирсановка—Косушенко, Матвеев-Курган—Ткаченко и Страшевского, Никандровка—Галицкого, Николаевско-Милентьево и Троицкая—Рослова Семена, Бессергеновка н Вареновка—Романенко Павла, а затем Снименко Лаврентия, Армянская коса—Самушенко Михаила, а затем Забурненко Павла и Ивана,—Курлацкая и Абрамовка—Опешко Иосифа, Петрушино—Спивакова Михаила, Малковка—Ершова Пантелея, Алексеевка—Кужилева, и Александровка—через Корнякову Александру и Урвачева Тимофея.

Разумеется, все эти ячейки возникли не сразу, а путем упорной, осторожной и кропотливой работы подпольного к-та.

1-й подпольный Комитет находился в квартире его председателя т. Наливайко, в доме № 31 по Межевой улице. Этот же адрес служил и явочной квартирой. С развитием работы комитета, таких явочных и сборочных квартир у последнего было свыше десятка. Так, например, у Азарова, по Газовой улице № 16, у Фалина Василия сборочная, по 4-й Новоселовке № 14, у Рослова тоже, 2-я Новоселовка № 6, у Ларина, Разинская ул. № 5, были явочные квартиры на Скарамановке № 5, Касперовке, Мало-Садовая № 4 у Козликова, на Камбициевке по Алкивиадовской № 8, по Колодезной № 12, у Головина—Софиевская № 26, кв. Корнеева Е.—Камышанская 12 и т. д.

Все эти сборы и явки находились исключительно в рабочих кварталах.

Первоначально комитет ставил перед собой следующие задачи: 1) организацию ячеек по заводам, предприятиям и

воинским частям; 2) выявление и учет семейств красногвардейцев для помощи им, 3) распространение литературы и 4) агитация. В распространении литературы принимал участие рабочий Токарев.

Работа комитета проходила по линии не только связи его с различными ячейками в предприятиях и воинских частях белых, но и с Донбюро, 2-й и 13-й Красными армиями.

К февралю м-цу 1919 г. комитет имел сравнительно широкое разветвление своей ячейковой сети, что делало его работу чрезвычайно разнообразной.

Комитет расширился до 5-ти человек. Кроме того, были два инструктора и 2 активных т. т., работавшие в округе и связывавшие его с комитетом.

Дом по Межевой улице где находился 1-й Подпольный Комитет. На первом плане стоит председатель его т. Наливайко.

С самого начала и до конца наиболее устойчивой и постоянной ячейкой являлась, несомненно, ячейка Металлургии.

Ячейка Балтзавода также являлась одной из передовых ячеек подпольного комитета, но в марте м-це 1919 г., вследствие слежки за руководителем ее т. Суровцевым, ячейка почти распалась. Комитет предложил вести работу тов. Щестуну, но последний отказался.

Впоследствии т. Шестун работал в ячейке, как руководитель.

Ячейка Котельного завода из-за чрезвычайно малого количества рабочих не могла проявлять себя в достаточной степени активно, но все-же служила довольно крепким очагом для большевистской пропаганды. Деятельность ее заключалась в том, что она предоставляла внутри своего завода конспиративные уголки, как для оружия, так и для отдель-

ных членов комитета, (где впоследствии удачно скрывался член 1-го подпольного комитета т. Головин.)

Железнодорожная ячейка, в условиях специфической работы производства и вследствие массовых расчетов рабочих, часто подвергалась распаду, т. к., вместе с расчитаными рабочими, сплошь и рядом попадались и члены ячейки.

Но, несмотря на это, ячейка быстро возрождалась и в работе своей проявляла достаточную выдержку и крепость

Ячейка Кожзавода, только за время работы 1 го подпольного комитета, распалась 6 раз. Об'ясняется это тем, что завод этот работал исключительно на оборону и рабочие его были экономически в сравнительно хороших условиях, поэтому ячейке весьма трудно было развить здесь свою работу.

Ячейка электростанции была в числе передовых ячеек, сыграв немаловажную роль в деле осведомления комитета, а через него и политотделов Красной армии, различными сведениями военного характера, относящимися к тылу белых.

Портовая ячейка с самого начала и почти до конца не сумела проявить себя достаточно ярко. Первый ее состав получил задание потопить пароход белых, имевший для них крупное военное значение. Но она отказалась это выполнить, и только, когда ячейка, после чистки ее, окрепла, она это распоряжение выполнила.

Как мы видим, комитету приходилось не мало поработать над укреплением своих ячеек.

Сорганизовав ячейки, комитет, для удобства руководства их работой, разбил округ и город на 5 частей или районов: три в городе и два в округе.

Первым районом в городе, куда входили промышленные предприятия, руководил Фалин.

Второй район обслуживался т. Наливайко. В него входили железная дорога и Балг - завод. И третьим районом, в который входили: электро-станция, порт и мастерские порта, руководил т. Головин.

Была еще и внерайонная ячейка—это военная, совместно с боевой дружиной. С этой ячейкой держали непосредственную связь т. т. Наливайко и Фалин.

Начальком боевой дружины был тов. Беликов—„Ванька Золотой“ (рабочий Кожзавода).

Деникинским правительством за „Ваньку Золотого“ была об'явлена награда в 10,000 рублей, лишь за то, кто укажет его местопребывание или же хотя-бы опишет его на-

ружность, но несмотря на это „Золотой“ продолжал работать открыто на глазах контр-разведок.

В округе районы обслуживали: 1-й—Марцево—Иловайск—т. т. Рослов, Монченко, Елена, Козлов и Мария Карагодская, 2-й район—Малковка, Синявская, Самбек—т. т. Головченко. Самущенко, Забурненко, Опешко Иосиф, Бельмач Василий. Все эти товарищи работали под руководством т. Наливайко.

Среди городских ячеек работа, главным образом, проводилась в направлении подготовки восстания. Конечно были и другие задания, поручаемые ростовским подпольным центром местному комитету.

Комитет давал и городским и окружным ячейкам задания выявлять количество войсковых частей белых, их расположение, вооружение, количество находящихся в арсеналах винтовок, патронов и другого вооружения. В порту выяснялось количество пароходов, приспособленных для военных нужд, их вооружение, качество, количество и характер вооружения, и т. д. Были задания и оперативные: взрывы мостов, заводов, электро-станций и других мест, имевших для белых военное значение, с целью дезорганизации тыла, и задерки передвижения войск.

Ячейки все задания комитета не всегда выполняли с успехом Снимались на полотно планы месторасположения штабов, войск, стратегических пунктов, лазаретов и т. д., каковые отсылались по назначению через особых курьеров. Через курьеров же получались деньги, распоряжения из-за рубежа, в виде всевозможных постановлений, директив и т. д. В Ростов выезжали, обыкновенно, отдельные члены по вызову центра. Таковы были струкгура, связь и характер работы 1-го подпольного большевистского комитета.

Деятельность 1-го комитета.

10-го марта 1919 г. Областком поручает таганрогскому подпольному комитету провести на Металлургическом заводе агитацию за остановку завода. Смысл этой забастовки заключался в проверке готовности рабочих Металлургии идти на восстание, если это понадобится для дезорганизации тыла белых.

Фалин В. И.—Член 1-го подпольного Комитета.

Забастовка должна была пройти под лозунгом —„Повышение заработной платы“.

Комитет заранее подготовил соответствующее воззвание в количестве 800 штук, и через ячейку стал проводить работу. Рабочие, отвыкшие от забастовок, терзаемые гнетом белогвардейщины, дружно выступили и завод стал. Сама забастовка длилась недолго, т. к. администрация поспешила удовлетворить требования забастовщиков, но сам факт забастовки был весьма знаменателен.

После забастовки, шпионы и провокаторы уничтожили не один десяток лучших рабочих, предав их контр-разведке.

Еще в феврале м-це в Ростове—в Нахичевани н/Д, состоялся с‘езд подпольных работников *). На этом с‘езде присутствовала и таганрогская организация, в лице представителей подпольного комитета, а также ячеек округа и города. От комитета был т. Фалин, от Металлургии т. Головин, от окружных ячеек были: т. т. Безродный, Урвачев, Монченко Н., Кунов, Старченко, Рыбальченко, Долгополов, Голицын, Ткаченко Иван, Пауков и Болдырев.

Головин М З.—Член 1-го подпольного Комитета.

На этом донском областном подпольном с‘езде обсуждался, главным образом, вопрос о все-

*) Тов. Фалин указывает, что с‘езд состоялся в помещении сторожевого дома на деревянном мосту, ведущем на другую сторону Дона

областном восстании, т. к. быстрый рост подпольных организаций как будто благоприятствовал этому моменту.

Работники мест требовали ускорить подготовку к восстанию.

Также обсуждались вопросы о взрыве мостов с целью помешать передвижению белой армии, о способах разложения армии Деникина, о формировании партизанских отрядов для восстания против добровольцев, и ряд других вопросов тактического и военного характера, связанных с гражданской войной. Обсудив все вопросы и раздав участникам различную литературу, с'езд благополучно закончился.

После с'езда таганрогский подпольный комитет, получив подкрепление его решениям, принялся энергично за работу. Вскоре в Совдепию (как называли тогда РСФСР) комитет направил одного из своих курьеров с важными военными донесениями. Курьером этим был Болдырев Константин, вскоре возвратившийся обратно с директивами, предлагавшими взорвать мост через реку Миус, близ Матвеево-Кургана.

Распоряжение это исходило от 13-й Красной армии. Взрыв моста должен был помешать переброске войск деникинцев. Вообще же комитету были задания—всячески мешать передвижению белых.

21-го февраля, постановлением комитета, на этот взрыв были командированы Мончeнко Николай, Косушенко и Маруся Карагодская. Комитет отпустил на эту цель 1000 рублей. Деньги эти предназначались Александровской ячейке, как участнице во взрыве.

Прибыв в Матвеево-Курган, Карагодская поехала в Александровку, где должна была разрешить окончательно вопрос о времени взрыва.

Возвратясь через некоторое время обратно в Матвеево-Курган, Карагодская сообщила, что Александровская ячейка отказалась от взрыва, заявив, что их волость в настоящее время является дежурной по району, в участке которого находился предназначенный к взрыву мост, а, согласно приказа Деникина, за все преступления, совершаемые в районе, где дежурит волость, последняя обязывалась вносить штраф в размере 6000 рублей золотом.

Александровская ячейка потребовала от комитета этой суммы, дабы гарантировать крестьян от контрибуции. После такого заявления, прибывшие от таганрогского комитета т. т. пригласили из Ряженской ячейки пять человек—т. т. Пономаренко, Галицкого, Долгополова, Старченко и Ткаченко Ивана—и решили действовать.

Собравшись вечером в доме Ткаченко 23-го февраля, представители комитета, совместно с перечисленными приглашенными товарищами, окончательно установили возможность взорвать мост без помощи александровцев.

В начале 12-го часа ночи, с 23 на 24 февраля, все отправились к железнодорожному мосту, под вооруженным прикрытием Ряженской ячейки.

Подойдя к нему на расстояние 30-ти саженей, решили разделиться на 2 группы: Монченко, Косушенко и Ткаченко пошли на подготовку взрыва, а остальные стали поджидать.

Вскоре тройке удалось доползти почти до самого часового, охранявшего мост, но внезапно раздался выстрел: это часовой заметил ползущих и поднял тревогу.

Все бросились бежать. Караул белых, услышав выстрелы часового, выбежал из караульного помещения и также стал обстреливать убегавших. Добежав до переправы реки Миус, все участники предполагавшегося взрыва бросились перебегать по льду, но, вследствие чрезвычайной слабости льда, трое из бегущих: Монченко, Косушенко и Карагодская, внезапно провалились под лед, при чем Косушенко утонул, а Монченко и Карагодская отделались болезнью.

Эта неудача все же не ослабила работу комитета. Почти одновременно с директивой о взрыве моста, от Донбюро была получена директива взорвать Балтзавод, как работавший на оборону белых. Работа эта оказалась чрезвычайно трудной.

Комитет, в лице т. т. Наливайко, Фалина и Карагодской, выработал подробный план взрыва, который заключался в том, что руководитель ячейки Балтзавода т. Суровцев, работавший там в качестве слесаря в отделении котлов, в фундаменте на соединении двух котлов должен был сделать пещеру, куда, по совету пиротехника военной ячейки, следовало вложить соответствующее количество динамита, а затем взорвать котлы.

В течение трех трудных и опасных недель бур был высверлен и ждал лишь динамита. Вскоре динамит, в нужном количестве, был доставлен в условленное место.

Но в условленный час т. Суровцев за динамитом не явился. Ждавший его т. Наливайко, на одном из углов улиц близ завода, почти с утра до 7 часов вечера, не мог дождаться. Но наконец т. Суровцев явился и сообщил, что бур был замечен при чистке котлов. Многие рабочие были задержаны и допрошены. Допрос этот тянулся целый день,

вплоть до вечера. Допрашиваемых не выпускали. Все контрразведки, находящиеся в Таганроге, были поставлены на ноги. В котельном отделении поставили усиленную охрану.

Таким образом и эту работу комитета постигла неудача.

Тов. Суровцева вскоре удалили из отделения котлов, заменив его другим рабочим. Но Областком все-же требовал выполнения директивы,—продолжать быстрейшую подготовку к взрыву Балтзавода.

Серегин—член подпольной ячейки в частях белых.

Иваненко С. Т. Организатор военной подпольной ячейки в частях белых.

Комитет вновь стал искать способов к взрыву во что бы то ни стало, и решили действовать путем приведения в негодность динамо-машин электростанции, замыканием главной магистрали.

Комитет поручил члену ячейки т. Баранникову достать план укладки кабелей. План этот был приобретен лишь в середине апреля м-ца 1919 г.

Следует заметить, что, после ухода т. Суровцева, ячейка Балтзавода было развалилась, но т. Баранников сумел ее вновь организовать в количестве 6—7 человек. Она-то целиком и занялась отыскиванием, по плану, скрещения кабелей.

Через непродолжительное время скрещение было найдено, и в таком месте, что вполне благоприятствовало работам ячейки.

В одну из ночей была вырыта яма, а на другую предположено было сжечь динамо. В это время красные части наступали на Иловайск и, очевидно, взрыв завода в Донбюро

считался несвоевременным, т. к. комитетом Таганрога было получено срочное приказание отменить взрыв.

Значительной работой комитета надо считать работу среди войск белых, куда передавалась литература, листовки,—велась агитация, вербовались сочувствующие, разлагались части. В особенности удачная работа была по дезорганизации армии среди призывников в деникинскую армию.

Через военную ячейку доставлялись вполне готовые удостоверения с печатью, посредством которых солдаты, призванные на службу, получали отпуска на два-три месяца в виде отсрочки. Получив таким образом отсрочку, всех „уволенных" комитет удачно направлял в Мариуполь, занятый тогда Махно.

Военная ячейка сыграла в жизни подпольных комитетов довольно выдающуюся роль. Руководителем этой ячейки был т. Иванников Степан. Иванников прибыл в Таганрог с первым корниловским батальоном в марте 1919 года, здесь он встретился с членом подпольного комитета т. Фалиным, старым другом по революционной работе, через которого он связался с Наливайко, Головиным и Лариным.

Вскоре комитет выдает Иванникову документ на имя Иванова и посылает его для работы во 2-й донской саперный батальон, где ему удается организовать ячейку. И не только там. Он включает в свою ячейку представителей снаряжательной мастерской, главного телеграфного отдела деникинской армии, 1-го и 2-го Донских батальонов, канцелярии штаба Донского саперного батальона и канцелярии понтонной сотни.

Работа военной ячейки не прерывалась до самого вступления красных войск в Таганрог, до декабря 1919 г.

Снаряжательную мастерскую и главный телеграфный отдел обслуживал т. Иванников непосредственно.

Работа в снаряжательной мастерской имела для комитета крупное значение. Отсюда можно было получать сведения, когда и на какой фронт, в каком количестве направляется боевое снаряжение, название снаряжения (боевого или взрывчатого), путь его следования и даже—с каким эшелоном это снаряжение направляется.

В главном телеграфном отделе, (или, как его еще называли, в экспедиционном отделе), можно было разведать все секретные сообщения фронта, точно установить где, какие стоят войсковые силы, когда предполагается наступление или отступление, с какого фронта и на какой перебра-

сываются войска, чем вооружены, где имеются фронтовые переправы, и проч.

В 1-м и 2-м батальонах и близлежащих казармах других частей войск проводили работу Кондрашев Т. и Павлов И. Этими т. т. велась вполне удачная агитация и распространялась литература.

Штаб саперного батальона снабжал комитет, через писаря канцелярии штаба Серегина Василия, различными военными документами. Серегин одновременно вел агитацию среди солдат, снабжая комитет иногда оружием, главным образом наганами.

В канцелярии понтонной сотни, через старшего делопроизводителя Дорожкина Е., комитет получал различные командировочные документы по всем линиям деникинского фронта и обмундирование военного образца для командируемых лиц.

Работа по разведке фронта была возложена на трех членов военной ячейки: т. т. Белоусова И., Иванникова и третьего товарища, фамилию коего не удалось установить.

1-й комитет, выполняя директивы из-за рубежа, старался также облегчить участь тем рабочим, которые попадали в цепкие лапы контр-разведок.

Еще с января 1919 г. комитетом подготавливался план освобождения из тюрьмы всех томившися там политических заключенных. В числе арестованных находился большевик-подпоручик Филиппов-Невронов, организатор Красной гвардии на Металлургии в 1918 г., так славно, в январе того же года, отличившийся в боях против калединщины.

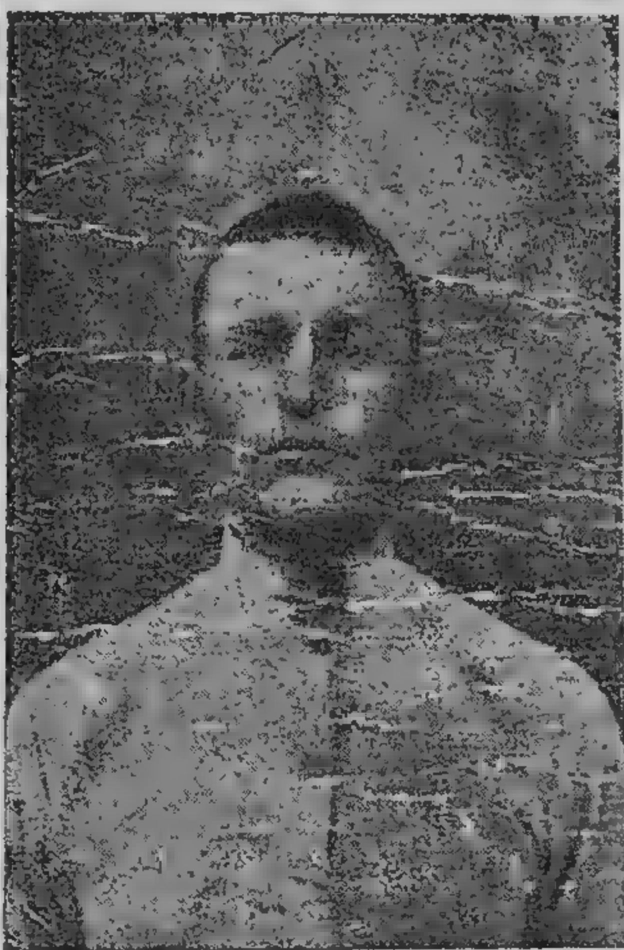
Комитету удалось связаться с тюрьмой, в частности с т. Филипповым. Был разработан план и условились, что Филиппов получит письмо от комитета, в котором будет изложен план освобождения рабочих из тюрьмы. План предусматривал, что, в назначенный день и час, надзиратель тюрьмы, состоявший в подпольной организации, во время проверки камер, отберет у проверяющего камеры ключи. Предварительно должна была быть обезоруженной охрана и прервана телефонная связь с городом. Когда ключи будут в руках у надзирателя, он откроет все камеры и выпустит заключенных.

- Письмо было передано, как и полагалось, на имя Филиппова, но в это время он уже лежал больной тифом. Организация этого не знала.

Сведения о подготовляемом освобождении из тюрьмы были переданы т. Москатовым, работавшим тогда в ячейке электростанции. Придя исправить в тюрьме электриче-

ство, он там встретил много знакомых ему политзаключенных. Бросив окурок папиросы, которую курил, т Москатов указал на него одному из заключенных Семенову. После ухода Москатова, Семенов поднял мундштук и нашел там бумажку, на которой было написано, что комитетом ведется подготовка к освобождению политзаключенных. Это было в январе 1919 г. Один из товарищей обеденной ложкой перестучался со всеми камерами, передав им это известие.

Письмо попало к некоему Ивану Лямцеву, сидевшему в тюрьме за изготовление фальшивых денег. Последний, получив письмо, решил, на свой риск и страх, привести план в исполнение. Проделав все операции так, как указывалось в плане, Лямцев назначил, очевидно по ошибке, для операции не тот день и час, какие назначала организация.

П. П. Козлов.

Эта роковая ошибка стоила 18 жизней лучших рабочих.

Заключенные, обезоружив охрану, стали стекаться в одну из камер, но, не снятые, один из надзирателей и охранник сообщили по телефону о происходящем в тюрьме в городскую стражу. Быстро прибыв на место, стража тут же расстреляла 18 человек активно принимавших участие в обезоруживании тюремной стражи Иван Лямцев на глазах у стражи застрелился.

Приведем по этому поводу приказ начальника гарнизона:

„Приказ по гарнизону гор. Таганрога, № 12 от 10 февраля 1919 года.

Мною получена от Донского атамана следующая телеграмма:

От имени Донского войска благодарю полковника Астахова, атаманцев и стражу за быстрые и решительные действия по восстановлению порядка в тюрьме во время бунта арестантов.

X) Письмо Комитета на имя Филиппова.

Прикажите немедленно произвести срочное расследование о причинах беспорядка и виновных предать военно-полевому суду.

О подробностях донести мне.

Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский".

Об'являя о сем гарнизону г. Таганрога, считаю приятным для себя долгом передать благодарность Донского атамана войсковым частям и лицам, поименованным в телеграмме.

Начальник гарнизона, генерал-майор Михайлов".

После неудачной попытки освобождения, заключенного Филиппова и ряд рабочих, болевших тифом, отправили в тюремную камеру богадельни.

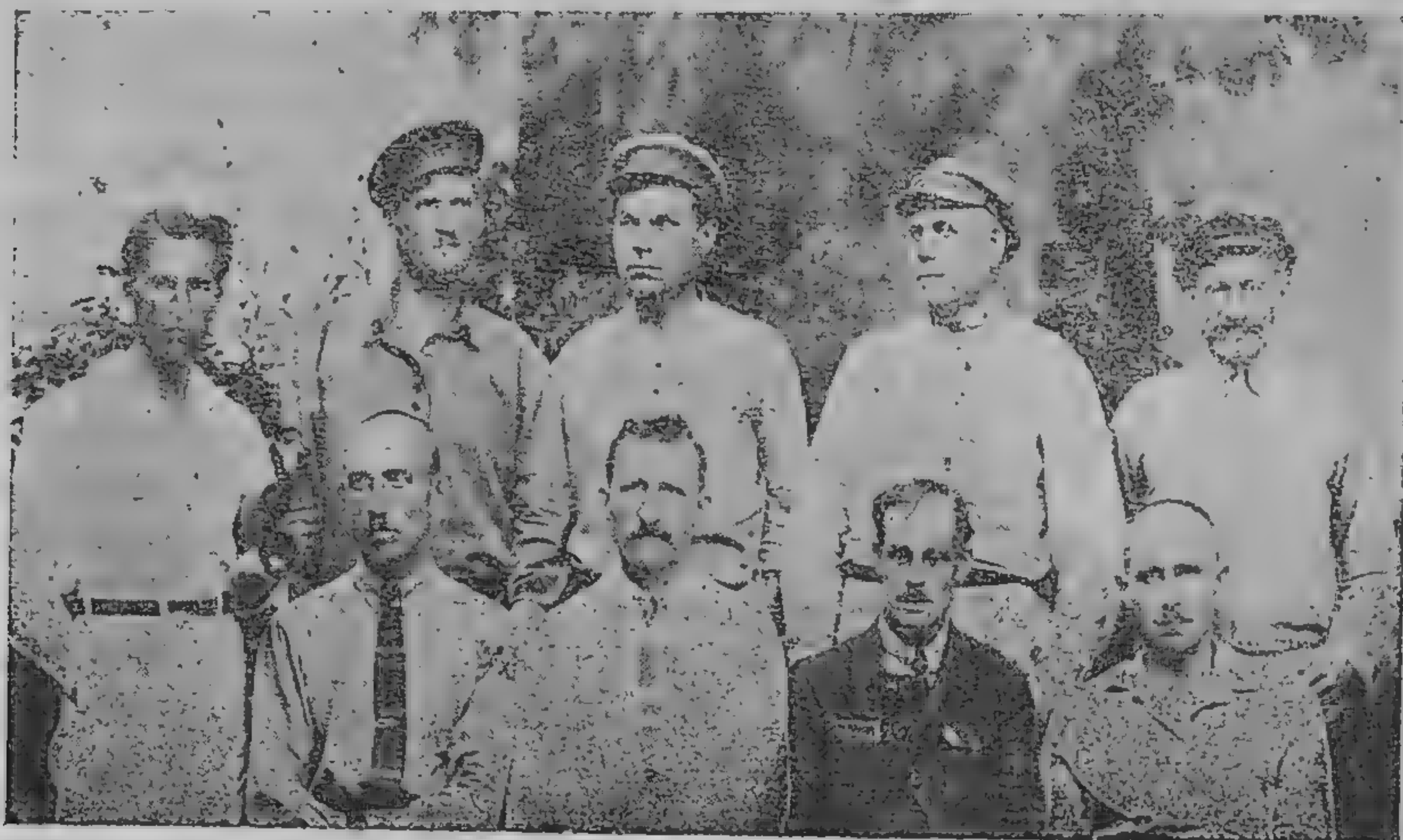
Через полтора месяца Филиппов стал выздоравливать и организация вновь попыталась освободить его. Завязали связь с тюремным фельдшером Ткачевым. Последний взялся помогать комитету осуществлять план освобождения Филиппова, Лиходедова и ряда рабочих Кожзавода. Спешить с этим следовало потому, что при окончательном выздоровлении этих т. т. должен был состояться над ними военно-полевой суд, имевший обыкновение не выпускать живыми своих жертв.

Комитет поручил дело освобождения Филиппова и других—т. Фалину. Подобрав в помощь себе стойких и надежных товарищей, т. Фалину, в ночь под 5-е марта, удалось вырвать заключенных из лап контр-разведки и полевого суда. Задача эта была облегчена тем, что в это время происходило знаменитое Носовское восстание. Восстали не только носовцы, но и Федоровка, Николаевка и друг. волости. Вся стража была брошена на подавление восстания и в тюрьме оставались всего лишь два человека. Схватив и связав эту стражу, нападавшие открыли тюремные камеры больницы и все почти заключенные были выпущены на свободу.

После этого смелого налета на тюрьму, т.Фалина, все освобожденные были распределены по конспиративным квартирам, но вскоре, после жестокого подавления крестьянского восстания, в городе создалась до того напряженная атмосфера, что всем освобожденным товарищам ничего не оставалось делать, как скрыться в Мариуполь, куда обыкновенно направлялись все товарищи, не могущие, по тем или иным причинам, оставаться в Таганроге. Туда же направлялись целые партии рабочих, не желавших служить в рядах деникинской армии. Отправка происходила обыкновенно через Армянскую косу, Голодаевку и Петрушино. В переправ-

ке этой участвовали руководители сельских ячеек: Самущенко, М. Опешко, Забурненко, Баранников, Абрамовская ячейка и друг.

Жестокий февральский расстрел в тюрьме 18-ти рабочих, безсуда и следствия, сильно взволновал пролетарские

Группа подпольщиков.

Сидят слева направо: Шаповалов Ив., Ларин, Корнеев Е. А. Павленко П;

Стоят: Давиденко, Монченко П., Токарев, Шуваев, Васильев С. В

круги. О нем до сих пор с негодованием вспоминают в Таганроге, и в особенности те, кто был очевидцем этого расстрела.

Во время носовского восстания и расстрела в тюрьме сельские и городские ячейки требовали от комитета об'явления восстания.

Некоторые из рабочих ячеек присоединились к восставшим волостям.

Комитет колебался, не решаясь сам на этот шаг, ибо опасался неудачи. Он срочно послал курьера с запросом в Донбюро. Перед последним и был поставлен вопрос о присоединении рабочих Таганрога к восстанию. Одновременно комитет послал через Фалина связь к повстанцам. Носовцы были чрезвычайно этим обрадованы. Связь повстанцев с комитетом была установлена через ячейку железной дороги.

До этого носовцы неоднократно просили комитет взять на себя руководство восстанием.

Комитетом было выдано восставшим носовцам до 30-ти винтовоки 20000 патронов, а также командировали 2 командиров, стойких и опытных солдат. Иначе говоря, почти все, что имела военная организация комитета в своем распоряжении. От руководства же восстанием комитет отказался, т. к. не имел твердых директив от центра.

Через 2—3 дня, после посылки курьера в Донбюро, он возвратился в Таганрог с приказом от 11-й армии, скрепленным подписью Донбюро, где предлагалось, под ответственность комитета, воздержаться от каких бы то ни было восстаний.

Приказ этот произвел на многих членов комитета, ожидавших обратного, чрезвычайно удручающее впечатление, но главное, ячейки не могли верить этому приказу и требовали восстания.

Многие из членов ячеек ушли к носовцам.

2 й приказ, привезенный курьером, предлагал взорвать Хоперский мост. Комитет поручил это дело боевой дружине, но операция эта не удалась, вследствие неправильной закладки пироксилиновых шашек. Но после этого были взорваны два малых моста, между Марцево и ст. Бессергеновка. Операцию по взрыву мостов выполнили т.т.: Фалин, Филиппов, Головин, Фелисов, Опешко, Меркулов и Кужель.

Между тем, после различных восстаний в округе, и напряженного состояния на фронте, белые еще больше рассвирепели. Тяжелые времена в мае и июне 1919 г. сгущали и без того удушливую атмосферу г. Таганрога. Контрразведки и карательные экспедиции окровавленными руками творили свое палаческое дело. Шомпола хлестали по спинам рабочих и крестьян.

В конце апреля, или в начале мая, председатель комитета т. Наливайко внезапно заболел тифом,—свирепствовавшим между прочим в это время. Эпидемия тифа достигла колоссальных размеров. Не было ни одной семьи, где не болели тифом несколько человек, а то и сплошь вся семья. Смертность достигла небывалых никогда в Таганроге размеров.

8-го мая 1919 года таганрогский подпольный комитет получил сведения о провале областного комитета в городе Ростове.

Собравшись на экстренное заседание,—члены комитета, обсудив вопрос, все же постановили продолжать работу. В то же время было поручено выехать в Ростов Марии Карагодской, с целью узнать подробности провала.

Дня через три приехала женщина-курьер на квартиру т. Ларина, который заменял заболевшего председателя тов. Наливайко, и сообщила, что в Ростове арестовано несколько человек ростовской организации, но Донбюро все же продолжает работу. Она же сообщила, что, по сведениям Донбюро, таганрогская организация также была провалена. Провокатор, очевидно, отлично знал все окружные комитеты и ясно, что таганрогская организация также не могла избежать провала. *)

Через некоторое время один из ростовских провокаторов обратился к жене Наливайко с просьбой сообщить адрес Ларина и других членов комитета. К этому времени, за исключением т. Ларина, члены комитета успели скрыться из квартир, в которых они проживали, в более безопасные места.

Явившись к Ларину, провокатор отрекомендовался членом ростовского комитета и, раз'яснив кое-что о провале ростовской организации, просил Ларина помочь ему деньгами.

Ларин, будучи предупрежден о возможном появлении провокаторов, опасался, что имеет дело с агентом контр-разведки, и хотел его тут же, у себя в квартире, придушить, но воздержался. Естественно, этим он ничего бы не добился, а гибель его самого была бы несомненна, т. к. у него, в то время, находились печать комитета, документы, оружие, план расположения деникинских войск, и проч.

Ларин, для отвода глаз контр-разведке, еще и ранее ходил в Скараманговскую церковь и пел на клиросе. „Удивившись приходу агента, он сказал, что ничего не знает, денег у него нет и что, ему необходимо идти для спевки в церковь. И стал одеваться.

Вызвав, таким образом, из своей квартиры агента контр-разведки, товарищ Ларин затем постарался все уличающие его вещи и документы спрятать в другое место. Это его спасло. На другой день, после разговора с агентом, произошел у Ларина тщательный обыск, но ничего не было обнаружено. Но все же, несмотря на это, за Лариным продолжали усиленно следить.

Работать приходилось с чрезвычайной осторожностью и, в конце концов, члены комитета, видя непосредственную опасность быть расконспирированными, не оставались более

*) По сведениям некоторых т.т., провал произвел член Областкома, некий Абросимов, по кличке „Штурман", впоследствии убитый, как провокатор, подпольщиками, что дало повод деникинской контр-разведке сделать сообщение о том, что большевики „что-то не поделили" хотя контр-разведка знала о провокаторской деятельности Абросимова.

на своих квартирах и перешли на нелегальное положение. Вскоре после этого были арестованы кавказской контр-разведкой больной тифом Наливайко (перевезен в тифозную больницу), и его жена.

Застенок контр-разведки дал, очевидно, сильно почувствовать себя жене Наливайко. После сильных избиений и издевательств, произведенных над ней, она выдала адреса квартир, в том числе и тов. Ларина. Через день или два после ее ареста Ларин также был взят в контр-разведку. *).

Контр-разведка не оставляла в пок ое даже больных, находящихся в бессознательном состоянии. Экзекуторы, дабы выпытать нужные им сведения, —мечущемуся в бреду Наливайко, при допросе, крутили „цуркой“ руки, но ничего не добились. Допрашивали даже ребенка Наливайко и, когда он не мог ничего сказать и плакал, его стали бить головой о стенку.

Н. И Наливайко с женой.

Арестованные Ларин с женой также подверглись при допросе избиению. Избивали их до потери сознания шомполами, после чего Ларина направили в ростовскую тюрьму, жену же отпустили. Впоследствии выздоровевшего Наливайко также направили в Ростов.

Таким образом, благодаря провокаторству ростовского члена Областкома Абросимова, таганрогский подпольный комитет был провален, как и Ростовский, Екатеринодарский, Новочеркасский, Азовский, Ейский и другие комитеты.

К счастью, провалы коснулись лишь части верхушек, но не коснулись совершенно периферии; так было по крайней мере в Таганроге.

---

*) По другим сведениям, жена Наливайко, когда пришел агент охранки к ним на квартиру, в разговоре с ним выдала адреса явок После этого провокатор ходил по всем адресам, но никого на указанных квартирах не застал, кроме тов. Ларина. Перед арестом тов. Наливайко, рано утром, в связи с решением комитета обезопасить больного Наливайко, к нему приезжал Фалин и хотел его забрать. Наливайко, будучи в бреду, отказался ехать. В 3 часа этого же дня его арестовали.

Попавшиеся в лапы контр-разведки товарищи имели настолько силы воли, верности революции и рабочему классу, что ни единым словом не обмолвились о том, что знали. Они готовы были идти на смерть,—но не соглашались на предательство

5 долгих месяцев тянулось дело о подпольных комитетах области и только 31-го октября 1919 г., почти перед самым разгромом белых, „виновные" предстали перед судом. Приводим выдержку из газеты „Приазовский Край" от 2(15) ноября 1919 г., с описанием деятельности Донбюро и организаций на местах, по материалам судебного процесса.

„Весной в Ростове стали проявлять себя различные большевистские организации. Однако они периодически раскрывались.

В мае случайно была раскрыта в г. Нахичевани большевистская типография, в которой печаталась подпольная газета „Донская Беднота", различные воззвания, а также подложные удостоверения управления ростовского окружного атамана, для распространения среди дезертиров, в целях ослабления Донской армии Типография эта находилась в доме некой Спириной и была организована Василием Абросимовым. Работали в типографии—сын Спириной, два брата В. Абросимова, некие Аболин, Бродский, Рыбкин и др., оставшиеся необнаруженными.

При аресте все, кроме В. Абросимова, показали, что работали в типографии исключительно из-за нужды.

При дальнейшем расследовании обнаружилось, что типография эта обслуживала особый большевистский орган „Донское бюро", об'единявшее, через своих агентов, местные большевистские „ячейки" и организации. В бюро, находившееся в Харькове, а одно время в Курске, входили между прочим Сырцов, Френкель и Блохин. В больших городах—Новочеркасск, Ростов, Таганрог, Азов—были созданы, так называемые, областные комитеты.

Раскрытие этой организации и целый ряд судебных процессов о других организациях дают возможность выяснить, что работа этих организаций началась, очевидно, непосредственно после изгнания большевиков из Донской области.

Из членов областной организации удалось задержать целый ряд лиц, преимущественно учащихся. Среди них студенты Успенский, Баев, Васечко, Лазаркевич, курсистка Березкина.

Более тщательным расследованием было выяснено, что взрыв жел.-дор. моста у ст. Новочеркасск в апреле с. г.

был совершен этой организацией, с целью помешать правильному передвижению войск. Участниками взрыва оказались некие Гуньков и Мироненко, ж.-д рабочие.

Кроме того, той же организацией намечалось взорвать большой ж.-д., т. н. фашинный мост около Новочеркасска, а также повредить или даже уничтожить суда, предназначавшиеся для эвакуации Балтийского завода из Таганрога.

Удалось раскрыть организацию, в которую входили, между прочим, Наливайко и Ларин.

Все обнаруженные участники этой организации, в числе 25 чел., были преданы военно-полевому суду г. г. Ростова и Нахичевани.

Дело о них, начавшееся 23 октября и слушавшееся в течение 3-х дней, за неявкой важного свидетеля обвинения, было отложено и возобновлено слушанием 31 октября.

О двух подсудимых,—Лазаркевиче, находящемся на фронте и Баеве, заболевшем тифом—дела выделены.

31-го октября судом был вынесен приговор, по которому подсудимые Илья и Александра Абросимовы, Григ. Спирин, Аболин, Рыбкин, Бродский приговорены к смертной казни. Подсудимые Наливайко и Спирина Мария—к 10 годам каторжных работ, Успенский, Васечко, Житков и Березкина к 6 год. каторжных работ. Подсудимые Бабченко, Спирина Елена, Закутний, Осипов, Бернов, Юрченко, Буртылев, Пимонова и Ларин, за недоказанностью обвинения, по суду оправданы".

От ареста 1-го комитета до организации 2-го прошло 10 дней, но оставшиеся т. т. продолжали подпольную работу и тем самым не дали распасться сети ячеек в городе и округе, до образования 2-го подпольного большевистского комитета.

Организация и деятельность 2-го подпольного большевистского комитета.

В то время, когда произошли аресты т. т. Наливайко и Ларина, оставшиеся нетронутыми члены комитета удачно скрылись, однако, не прерывая друг с другом связи.

Фактически существование 1-го комитета надо считать с 12-го декабря 1918 г. и по 15-е мая 1919 г.

Оставшаяся подпольная периферия, естественно, не могла долго существовать без руководящего окружного центра

В силу этого 25-го мая был организован 2-й подпольный большевистский комитет, при содействии вновь переорганизованного областного комитета, через т. Карагодскую, которая, дав соответствующие указания не прерывать связи с городскими ячейками и округом, предложила избрать новый комитет.

Конструирование нового комитета происходило в квартире Николая Диско по Михайловской улице, № 160. Председателем этого собрания являлся Николай Монченко, а секретарем его Петр Козлов.

Во вновь выделенный комитет членами вошли: председателем комитета Москатов Петр, казначеем Николай Диско, начальником боевой дружины Азаров Степан, представителями по связи с зарубежом и Донбюро—т.т Монченко и Козлов.

Монченко и Козлов утверждают, что при оформлении 2-го подпольного комитета были избраны: председателем комитета т. Монченко, секретарем его Козлов, а казначеем т. Москатов. Членами комитета были Диско и Азаров. Это утверждение опровергается тем, что тогда, во первых, не избирались секретари, во-вторых, члены 2-го комитета т.т. Москатов, Павленко, Диско, Азаров и целый ряд подпольщиков заявили на одном из заседаний, что т. Монченко спутал распределение обязанностей между членами комитета 2-го состава с моментом провала казначея 1-го комитета т. Головина, от которого т. Москатов принял несколько рублей. Поэтому у т. Монченко, бывшего тогда не в курсе дела, и создалось впечатление (оставшееся до сего времени), что якобы т. Москатов являлся казначеем 2-го комитета. Подтверждением того, что т. Москатов был председателем 2-го комитета, служит то обстоятельство, что у т. Москатова находились печать и шифр, которые доверялись исключительно возглавлявшему комитет. Конечно, это бывало не всегда.

Но в то время, когда председатель не был под угрозой провала и расконспирирования, или в от'езде, печать и шифр находились всегда у него. К тому же секретарь подпольной ячейки Котельного завода Шуваев И. указывает, что скрывавшийся тогда у него на заводе Головин при нем передал печать 1-го комитета т. Москатову, как председателю вновь сформированного комитета. Таким образом, утверждения т. Монченко и Козлова лишены какой бы то ни было почвы.

Монченко и Козлов были уже давно расконспирированы, а поэтому, на другой или третий день после организации комитета, были вынуждены выехать в Ростов. Явившись к т. Андрееву, члену Дон. Областкома, Монченко доложил об образовании нового комитета в Таганроге, а также о плачевном положении таганрогской организации в денежном отношении. Дон. Бюро отпустило 200.000 рублей калединских денег, но они были утеряны зарубежным курьером т. Николаенко. Об этом ниже.

Вскоре, после организации 2-го подпольного комитета, в состав его были приглашены т.т. Павленко Петр и Сбитнев Пантелей.

Группа членов 2-го подпольного Комитета—слева на право: т.т. Павленко Петр, Москатов Петр (председатель), Азоров Степан и Диско Николай.

Связь в городе и округе при 2-м комитете оставалась та же, за исключением перемен учрежденных новых явок. Комитет, учитывая, что угроза расконспирирования еще не миновала, а, наоборот, усилилась, принял ряд мер к еще большей конспирации. С этой целью комитет учредил явочный киоск, торговавший папиросами, под наблюдением членов комитета. Целью этой явки было затруднение провала, а главное—создание возможности проверять прибывающих

курьеров. В этом же киоске, по уполномочию комитета, члены его разрешали все более мелкие вопросы, и только, если возникали крупные вопросы, после тщательной проверки курьера, направляли на те или иные явочные квартиры, для разрешения в комитете этих вопросов.

Явочный киоск помещался по Ленинской улице, угол Гоголевского, каковой еще и по сейчас существует. Кроме того, были учреждены явки (помимо уже имевшихся) у Биркина Ивана, по Мало-Садовой улице № 32, Диско Николая —Михайловская № 161, на Кладбищенском № 35, в постоялом дворе Растрепина Ник., между Чеховской и Кузнечной.

Комитет помещался у председателя его т. Москатова, по Михайловской улице № 119.

Как мы видим, после провала 1-го комитета, второй состав его принял ряд мер предосторожности и ушел в самое глубокое подполье. Помимо киоска, контролирующего приезжавших из-за рубежа и Ростова курьеров и других лиц, была выделена специальная группа из боевой дружины, охранявшая конспирацию подполья. Вообще боевая дружина при 2-м комитете, под руководством т. Азарова, выполняла не только прямое свое назначение оперативного характера: взрыв мостов, освобождение рабочих из тюрьмы и проч., но и охрану комитета. Главное в новой работе боевой дружины было: уничтожение при первой опасности всех нитей, ведущих к подполью, раскрытие и расстрел провокаторов и шпионов. Вообще боевая дружина, составлявшаяся из самых отборных и самоотверженных членов ячеек, сыграла довольно видную роль в жизни тогдашнего подполья.

Агитация и литература, распространяемые среди войск белой армии, вызывали в белом командовании тревогу и панику. Мероприятия, применяемые белыми против этого, доходили до того, что для прекращения потока литературы, текущей неуловимым образом в ряды солдат, белые принуждены были в приказах осведомлять об этом, обещая, что за поимку распространителя листовок и литературы будет выдаваться награда в 10000 рублей. Жандармы ловили и тех, кто совершенно был непричастен к распространению, а только лишь за то, что у пойманного находился листок. такого „преступника" так строго допрашивали, как это умела делать только контр-разведка.

Сельские ячейки, бывшие по близости к железной дороге, больше всех были втянуты в оперативную и боевую работу. Таковыми ячейками были: Авиловская, М.-Курган-

ская, Ряженская, Александровская, Амвросиевская, Успенская, Николаевская, Вареновская, и друг.

Деятельность 2-го комитева протекала при довольно неблагоприятных условиях. К этому времени весь южный фронт добровольческой армии Деникина перешел в наступление, и такое стремительное, что, в сравнительно-короткое время, Красная армия оставила (15-го июня) Купянск, а 25-го был сдан Харьков. Красные части стали откатываться на север.

Следует отметить, что в это время положение РСФСР было весьма тяжелое. Весь март и весь апрель на восточном фронте Колчак вел наступление, все время сжимая Красную армию, откатывавшуюся к Поволжью.

Угроза над Поволжьем, казалось, нависала с неотвратимой силой и только в начале мая (6-го) наступил перелом, когда Красная армия одержала впервые на восточном фронте крупную победу, заняв Сергиевск и Чистополь, а 19 мая Белебей, (что у Стерлитамака). В это-то время и перешел в наступление Деникин, с очевидной целью поддержать своего „собрата“ по оружию—Колчака. Несмотря на поддержку Деникина—Красная армия продолжала одерживать на востоке победу за победой, взяв 14 июля Екатеринбург и 26 июля Челябинск, чем нанесла окончательный удар по Колчаку.

Вот в такой обстановке военного положения РСФСР и вел свою работу 2-й подпольный комитет. Каждый шаг приходилось учитывать и соразмерять с обстановкой, сложившейся из различных элементов, военных, экономических и политических. Контр-разведка во время наступления Деникина еще более стала бдительной.

Комитет старался чтобы работа в ячейках шла в плановом порядке. Каждой ячейке давались определенные задания, для выполнения той или иной партийной работы. Так, например: металлургической ячейке поручалось производство ремонта винтовок, собирание снаряжения и т. д.; такая-же приблизительно работа давалась ячейкам—Балтийской и железной дороге. Ячейке электро-станции поручалось выключать свет из штабов и других мест, когда этого требовали обстоятельства.

На селе также имело место выполнение определенных заданий: добыча динамита, свалка под откос поездов и бронепоездов, развинчивание рельсов, срыв телеграфных проводов, и т. д. Подчас за эти деяния работники гибли, если случайно или по неосторожности, или доносу односельчан, попадали в контр-разведку.

Один из примеров подобного рода произошел в селе Успенском.

По заданиям подпольного комитета, между селом Голодаевским и Успенским необходимо было уничтожить телефонную сеть, дабы помешать карательному отряду вести переговоры или давать приказания. Задание было выполнено членами ячейки т.т. Иваненко и Иванниковым. На следующий день в Успенку прибыл карательный отряд для учинения расправы. Названные т. т. спрятались в так называемую Калинову балку, но были выданы начальнику карательного отряда Абаладзе осведомителями контр-разведки, проследившими за членами ячейки.

После перестрелки между отрядом Абаладзе и скрывшимися Иваненко и Иванниковым,—они были окружены со всех сторон карательным отрядом, схвачены и зверски замучены. Отрезав нос, уши, выколов глаза, палачи предварительно закопали их в землю выше колен у столба, а затем убили. Казнь происходила при стечении всех жителей Успенки.

Таких примеров были по округу десятки.

Ячейки подпольщиков действовали одновременно и смело и чрезвычайно осторожно.

Военная ячейка к этому моменту развила свою сеть, почти во всех воинских частях, стоящих в Таганроге. Помимо тех воинских частей, о которых мы упоминали выше,—члены подпольной организации проникли и в части Чехословацкого полка (впоследствии переименованного в Русско-Карпатский), в эскадрон имени генерала Романовского, в танковый дивизион, артиллерийский дивизион и два гвардейских полка

По решению подпольного комитета, были посланы члены подпольной организации для работы даже в кавказскую контр-разведку и в сыскное отделение. В контр-разведке работал Гончаров Николай.

Во все эти части члены ячеек посылались исключительно с разрешения комитета. Так, например, были посланы: т. Пархоменко (Князев)—в снаряжательную мастерскую, а также в различные части—т. т. Радченко Иван, Калашников, Снименко Илларион, Снименко Мих., и друг. Посылка происходила во время мобилизации белыми населения, по подложным документам, выдаваемым подпольным комитетом. Главной целью такой посылки была агитация среди солдат. В одном из кавалерийских эскадронов Чехо-словацкого полка работал, как мы указали, член подпольной ячейки т. Калашников. Все время ведя удачную агитацию среди эскад-

рона, стоявшего в казармах против бывшей церкви Михаила,—он впоследствии не выдержал и повел открытую работу в эскадроне, и сделался жертвой одного из офицеров.

Дело началось из-за пищи. Солдаты были недовольны ужином. Калашников стал громко протестовать. Подошел дежурный офицер и приказал ему замолчать и, когда он не подчинился, офицер выхватил шашку и ударил Калашникова по голове, разрубив ему череп. Калашникова отвезли в Красный Крест, где он через 2 часа скончался, не приходя в себя.

Калашников П. Т.— зарублен белыми.

Тов. Ткаченко

Подпольный комитет, обсуждая этот печальный эпизод, происшедший с членом ячейки т. Калашниковым, постановил: предупредить всех членов своих ячеек, работавших в частях войск белых, чтобы они вели себя осторожно и не поддавались индивидуальным настроениям, ведущим лишь к печальным результатам и срывающим работу подполья в белых частях войск Деникина.

Взрывчатые вещества доставлялись комитету из снаряжательной мастерской, находившейся в порту.

Обыкновенно взрывчатые вещества из снаряжательной мастерской Иванников проносил в ведре с двумя днами. Второе дно состояло из углубления в два с половиной вершка. Для отвода глаз в ведре торчали различные строительные инструменты.

Все эти вещества передавались т. Сбитневу, и друг.

Военная ячейка впоследствии работала под руководством специально выделенного для этого члена комитета. Во 2-м комитете военной ячейкой ведал т. Азаров, как военный руководитель и организатор боевой дружины.

В боевой дружине, при комитете 2-го состава, были следующие т. т.: Азаров-начальник, Пархоменко, Беляйчик, Зарубов, Павленко Семен и целый ряд других т. т.*) К моменту наступления Деникина, зарубеж и Донбюро давали комитету особо важные задания. Так, напр., в июле месяце между Бессергеновкой и Марцево боевой дружиной был взорван мост, посредством индуктора, путем пуска электричества по шнуру, тянущемуся от места, откуда намечался взрыв, до моста.

Спешно приходилось доставать сведения военного характера. Проникновение в военные организации белых было не легким делом. В штабах Деникина, обыкновенно, стояли исключительно офицерские караулы, дежурство же нес по штабу полковник (очевидно учитывалась ненадежность рядовых). В этой работе комитету особенно помогала ячейка электро-станции. Когда нужно было куда-либо проникуть, обыкновенно умышленно портились провода, проходящие на линию штаба, арсенала или намеченного комитетом пункта.

Испортив провода, ячейка выжидала вызова. Приходило требование для осмотра „испортившихся" проводов; и ячейка командировывала 2—3 человек для осмотра „места порчи". **) Когда монтеры ходили и отыскивали повреждения,— они зажигали спички и тщательно разыскивали нужные сведения, и, если в том или ином месте был свой член ячейки, получали все нужное, а затем, установив место порчи, уходили исправлять его. Когда осматривались казармы или лазаретные помещения членами ячейки электро-станции, подбрасывались или незаметно подкладывались солдатам под постели большевистские летучки. Бывали и такие случаи, что в штабе какой-нибудь генерал обнаруживал у себя на столе, а то и в столе, большевистский листок. Были и моменты, (дабы задержать быстроту распоряжений ночных отправок войск хстя бы на несколько часов), когда выключались целые кварталы в расположении штаба, путем набрасывания на провода специальных „замков".

В момент наивысшего напряжения наступления белых была попытка поджечь электро-станцию. Но это не удалось

*) Установить фамилии других т. т., работавших в боевой дружине, не удалось в виду того, что самих их сейчас нет в Таганроге, а фамилий их никто не помнит, ибо, по причинам конспирации, фамилии обыкновенно не фигурировали, а были лишь клички.

**) Все работы электро-ячейки по выключению света и исправлению проводов проводились обыкновенно в те моменты, когда дежурили члены подпольной ячейки.

сделать по различным причинам, а главное потому, что надзор за электро-станцией со стороны контр-разведок особенно усилился. На этот счет был даже приказ, который гласил, что, в виду частых перебоев в свете, начальнику электро-станции поручалось строго расследовать эти случаи.

Весьма интересным моментом в работе 2-го подпольного комитета является устройство телефонной станции между деникинским полевым штабом полковника Романовского и подпольем.

Тов. Москатовым был разработан детальный план устройства этой связи. План был представлен на утверждение таганрог. и областного подпольных комитетов. Комитеты дали свое согласие, а Донбюро отпустило средства на ее устройства.

Закупили различные материалы и приступили к работе. Проводку пришлось вести под землей, для чего был прорыт канал протяжением от телефонной подстанции, находившейся на кавалерийской конюшне, через целый квартал по Александровской улице, к Б. Биржевому пер., до столба у Коммерческого училища, где находился провод штаба.

Подземная телефонная станция подпольного комитета находилась под станцией белых.

Прорыв канал и протянув через него провода до самых столбов штаба, телефон включили. Члены ячейки беспрерывно, не отходя, дежурили у подпольного телефона. У столба Коммерческого училища также находился постоянный дежурный. При малейшем подозрении сейчас же давалось знать дежурному по станции и меры предосторожности быстро принимались.

В один из дней, вдруг появляется белая связь для исправления телефонного провода как раз в том месте, где находилось подпольное включение.

Дежурный моментально донес о положении. Сейчас же были приняты меры к ликвидации следов подпольной станции, и сообщено комитету об опасности.

Белые связисты действительно открыли посторонний провод, но так как он был отрезан, то и не могли установить, откуда он появился на столбе. Все же станцию пришлось ликвидировать, т. к. уже не было никакой гарантии, что солдаты не сообщили по начальству о своем открытии.

Подпольная телефонная станция просуществовала около двух недель, но и за эти недели она оказала весьма ценные услуги.

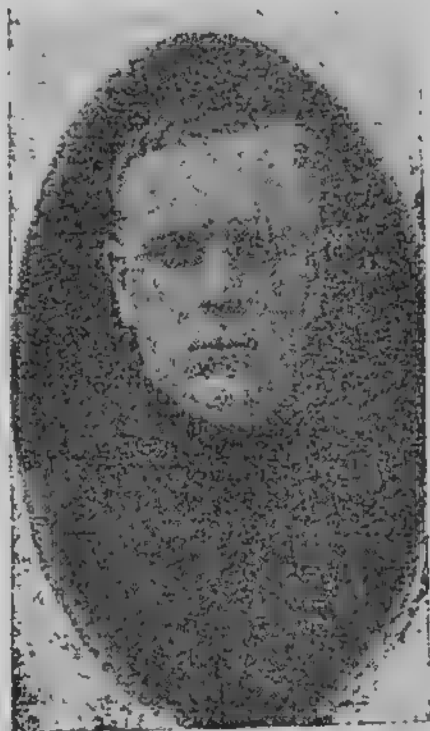
Дежурившие у телефона непосредственно могли слышать распоряжения штаба белых, говорившие, когда, в какой день и час, на какой участок фронта, какого рода оружие и в каком количестве направляется, какие участки фронта слабы, какие усиливались, и проч.

Спиваков Мих. яч с. Петрушино.

Вследствие того, что в Ростове н/Д часто замечались провалы, 2-й подпольный комитет решил устроить собственную типографию. Такое решение было связано и с тем еще, что комитет боялся провала от провокаторов из Ростова. Вообще, надо сказать, особенного доверия к Ростову со стороны Таганрога не было. Недоверие это у таганрогских подпольщиков зародилось с тех пор, как получился провал 1-го таганрогского подпольного комитета.*) На почве этого между Донбюро и таганрогским комитетом возникли трения, и Донбюро впоследствии обвинило Таганрог в сепаратизме, и даже хотело судить некоторых подпольщиков, в том числе и Москатова.

Обвинением со стороны Ростова было, что у Таганрога есть тенденция к сепаратизму. Таганрог в свою очередь заявлял, что пока со стороны Ростова будет угроза провалов, в связи с тем, что в самом комитете были провокаторы, шаги предосторожности, которые предпринимались таганрогским подпольным комитетом, необходимы. Кроме того областной комитет был еще недоволен таганрогским комитетом за то, что он проявлял инициат иву и получал сведения непосредственно из центра.

т. Самущенко Мих. рук. яч. с Синявской

Устройство типографии началось постепенно. Через типографа Петра Клименко был приобретен шрифт. Тов. Клименко брал его в типографии, находившейся на Чеховской ул. № 12. Приобретя, таким путем, 4 азбуки, комитет приступил к печатанию

*) Провокатором, кроме Абросимова, был также рабочий Владикавказской ж.-д. слесарь Волков. В Таганроге по нек. свед. провокатором был некий доброволец Николай Тарковский, быв. служащий Русско-Балтийского завода. Этот Тарковский предал левых эс-эров А Волошина, Вождаева и Бородина. Первый был расстрелян в 1918 г. в декабре м-це. О Вождаевой и Бородине сведений у нас не имеется.

листовок. Сама типография вмещалась в небольшой мешочек и находилась на бахче у одного из родственников т. Диско. Несмотря на все неудобства, все же типографии удалось печатать целые воззвания, главным образом обращения к солдатам белых, к рабочим и крестьянам.

Мы упоминали выше о бахче тов. Диско. Бахча эта служила не только местом типографских работ подпольного комитета, но также и местом скрытия и переброски оружия. Обыкновенно, когда требовалась перевозка оружия в те или иные места, на заводы и проч., на воз, где лежали винтовки, засыпанные соломой, клалась горба арбузов, и в таком виде оружие благополучно доставлялось по месту назначения.

Как на один из характерных моментов в работе 2-го комитета, укажем на случай освобождения из под ареста руководителя подпольной ячейки Балтзавода—т. Шестуна.

После того, как разведка „взяла“ Шестуна, комитет узнал, что он будет увезен из города и, наверное, расстрелян. Решено было поэтому спасти его во что бы то ни стало. С этой целью комитет, через посредство Васильева, связался с переписчиком казачьей канцелярии, неким Кнышем, а через него с офицером „Хаськой“—Сорокиным (агентом контр-разведки).

Этот „Хаська“, за приличную взятку, согласился освободить Шестуна. Переговоры с Сорокиным поручено было вести т. Москатову. В помощь Москатову было дано несколько человек из боевой дружины, во главе с т. Азаровым.

Первая встреча т. Москатова с Сорокиным и Кнышем состоялась в ресторане „Франсуа“ на Петровской улице (ныне Ленинской). Переговоры велись под охраной боевой дружины, в присутствии Азарова, Пархоменко, Диско и Васильева.

Сорокин за освобождение запросил 10000 рублей. С этим все согласились. Было условлено, что, когда будут вручены документы освобождения на имя Шестуна, и все убедятся, что Шестун действительно освобожден, деньги будут внесены тотчас же.

На другой день встреча произошла в том же месте, но только не в ресторане, а на улице. В то время у комитета не было 10000 руб., а нашлось всего на всего 5000, но все же он попытался освободить Шестуна и с этой суммой.

Когда Сорокин и Кныш встретились с Москатовым один на один, под негласной, но бдительной охраной дружины, Сорокин сразу же потребовал условленную сумму. Моска-

тов сказал, что у него сейчас есть 5000, которые он внесет за освободительные документы, а остальные будут выданы немедленно, как только Шестун очутится на свободе. После долгих споров Сорокин вручил Москатову документы, а последний выдал деньги. К вечеру Шестун действительно был выпущен, но остальные деньги офицер Сорокин так и не получил. Вскоре Шестун бежал из Таганрога.

Неклюдов Борис.

Пархоменко, член подпольной ячейки, попадает в оружейную мастерскую белых, откуда умудряется доставлять комитету, через Азарова, винтовки, скрываемые под электрической станцией, находившейся тогда на углу Гимназической улицы и Гоголевского переулка. Впоследствии там образовался целый склад оружия. Некоторые товарищи бесстрашно делали разведку в самой пасти белых: штабах, арсеналах, канцеляриях, и т. д. Таковы т.т. Васильев, Серегин, Неклюдов, Борис Золотарев, Сытников, Биркин и целый ряд других работников. Это были все отдельные винтики в великой машине революции.

Кавказская контр-разведка давно разыскивала Никиту Азарова (брата члена подпольного комитета Степана Азарова),—бывшего комиссаром при Советской власти в 1918 г. в Таганроге, и случайно наткнулась на квартиру № 119 по Михайловской улице, где жил и Азаров Степан. В этой же квартире помещался подпольный комитет, и жил его председатель т. Москатов, под фамилией Виноградова (кличка „Молния“.) Москатов и Азаров жили непрописаными. В 2 часа ночи в квартиру постучали. Москатов выглянул в окно и замер. Перед ним, в числе 18 человек, во главе с начальником Шевердовым, стояла контр-разведка. Войдя в квартиру, Шевердов спросил: „Кто здесь живет?“ Москатов ответил, что живет он с женой и ребенком.

Контр-разведка, оцепив весь дом, стала обыскивать квартиру и обнаружила Азарова. Спросили, кто он такой.

Азаров назвал свою фамилию. Услышав это, Шевердов обратился к Москатову и, ударив, его кулаком в лицо, грубо крикнул, с кавказским акцентом: „Ты что же врешь!“ Лицо Москатова залилось кровью Ударив Москатова еще

несколько раз по лицу, — Шевердов приказал агентам произвести тщательный обыск во всех углах квартиры.

В соседнем коридоре, рядом с квартирой Москатова, находилось много взрывчатых веществ, а в коридоре его квартиры, в ящике под умывальной чашкой, были спрятаны печать и шифр, — а в другом месте индуктор, который был обнаружен при обыске. Шевердов долго вертел его в своих руках, не зная его назначения, а затем спросил у Москатова: „Что эта за штука"? Москатов об'яснил что это часть танковой машины, взятой им якобы для починки. Это об'яснение удовлетворило Шевердова.*)

Обыскав квартиру, агенты, совершенно не обратив внимания на чашку с грязной водой, стоявшую под умывальником, ушли, забрав с собой Азарова. (Азарова выдал некий Сомкин Федор).

После их ухода, все взрывчатые вещества, шифр, печать и другие уличающие вещи были унесены тотчас же из квартиры и зарыты в бутылках в землю, а о случившемся было сообщено ближайшим членам комитета.

Боясь провала подпольной организации в целом, комитет решил устроить свидание с т. Азаровым. На другой или третий день после его ареста, Москатов явился во 2-й участок полиции, где сидел Азаров. За взятку один из полицейских устроил, в клозете, свидание Азарова с Москатовым.

Переговорив с Азаровым, Москатов просил держаться до последнего момента, — (даже если будет грозить смерть), — ничего не говорить о существовании организации. Азаров обещал и показал на свой живот и грудь. Они были усеяны ожогами от горевших сигар.

Арестованного Степана Азарова привели, сперва, в контр-разведку и стали допрашивать о подпольной организации, не работает ли он там, и проч. Азаров категорически отказался отвечать на подобные вопросы. Видя упорство Азарова, его стали бить плетьми до тех пор, пока он не потерял сознания, а после, когда он очнулся, ему дали напиться воды и отправили во 2-й участок полиции.

Через двое суток Азарова вызвал к допросу ротмистр Марков.

*) Следует сказать, что обыск производился слишком невниматель, но, т. к. даже записная книжка с условными адресами и различными записями, лежавшая на столе, не была взята. Черкес, повертев ее в руках и, очевидно, не найдя ничего подозрительного, положил ее обратно на стол.

Об'ясняется это тем, очевидно, что контр-разведка шла ради ареста „комиссара Азарова", совершенно не предполагая, что перед нею председатель подпольного комитета.

Он также стал выпытывать у Азарова—не принадлежит ли он к какой-либо организации. Азаров отвечал отрицательно. Марков все настойчивее повторял свои вопросы и, наконец, раз'яренный, ударил Азарова со всего размаха рукояткой револьвера по глазу раздробив скульную и надбровную кость. Кровь хлынула на лицо и рубаху Азарова. После этого Марков приказал:

Биркин Иван.

„Вставай, собака, сними рубаху." Азаров повиновался.

Ротмистр, раскурив сигару, стал прижигать грудь и живот Азарова,—при этом Марков ругался площадной бранью. Не добившись ничего,—белые перевезли Азарова в тюрьму, где он просидел с 15-го июля по 15-е декабря 1919 г.

Получив от тов. Азарова подобное „удостоверение" о крепости его молчания,—т. Москатов передал обо всем, что видел и слышал, комитету. Но вскоре получилась новая неприятность. Мать Азарова, из жалости к своему сыну, стала приходить к отдельным членам комитета на их квартиры, с требованием освободить ее сына, иначе угрожала выдать и остальных.

Комитет, видя такое положение, решил избавиться от старухи и, в крайнем случае, прибегнуть к убийству, предварительно поставив в известность Азарова. В записке, которую направили т Азарову, комитет просил его воздействовать на мать, иначе организация вынуждена будет ее „израсходовать".

На одном из свиданий с матерью—Азаров передал ей решение комитета. С тех пор она успокоилась.

Комитету 2-го состава приходилось ликвидироваться. Тов. Москатов был уже на учете у контр-разведки и не мог по существу работать в комитете. Да и комитет, под постоянной угрозой быть раскрытым, в атмосфере сыска, арестов и убийств, не мог продолжать работать. Жить было весьма тяжело, а тем более работать.

Решено было обновить состав комитета. Формально, 15-го или 17-го июля, комитет был реорганизован.

В то время не было аппарата в современном смысле слова, с его отделами, протоколами, отношениями и прочими принадлежностями легальности. Протоколы если и писались, то только особо важные, и сейчас же передавались в Донбюро, а вся канцелярия тогдашнего комитета вмещалась в боковой карман пиджака Директивы давались устно и они являлись законом для получившего их.

Подпольные традиции требовали абсолютнейшей конспирации и излишнее разбрасывание письменными бумажками было преступным.

Зарубежная работа.

Николаенко Андриан.

Осведомление красного командования шло не только со стороны особых отделов, ЧК и подобных организаций. Осведомление шло и со стороны подпольных большевистских организаций, сыгравших тоже немаловажную, в этом деле, роль.

Зарубежники были вестовыми по ту сторону рубежа. От зарубежников требовалась самоотверженность. От ловкости, умения, быстроты, находчивости и смелости зарубежников зависило многое.

Одним из работников по зарубеж-ной связи таганрогской подпольной организации был Адриан Николаенко, работавший в этой области при всех 3-х комитетах. Курьерами от Донбюро, а также и зарубежа, державшими связь с подпольными комитетами, были т. т. Монченко, Козлов, Болдырев, Грекова, Ченцова, (Черкесова), Безродная, Л. Шаблиевская, и друг.

Николаенко, по его словам, переходил фронтовую полосу, неоднократно пронося документы, распоряжения и деньги. Первый из таких переходов был не совсем удачным, и едва не окончился печально для Николаенко. Ему из Харькова, где помещался тогда центр большевистской подпольной организации, было поручено передать в Донбюро 200.000 рублей калединскими деньгами. При переходе фронта его захватили белые, но он успел выбросить все документы и деньги в траву. Через 16 дней Николаенко удалось бежать из под ареста. Явившись в Таганрог к председателю подпольного комитета т. Москатову и рассказав о происшедшем, он с Москатовым выехали в Донбюро. Донбюро не поверило рассказам т. Николаенко и ему грозила смерть от своих же.

Но вскоре выяснилось, что на фронте ходят слухи, что якобы белые поймали комиссара Николаенко, а раз-

ведкой белых были найдены в траве выброшенные деньги и документы на имя Николаенко. Это обстоятельство и рассеяло подозрения Донбюро о поступке Николаенко.

Сведения о слухах на фронте были привезены т. Ченцовой (Черкесовой).

После этого случая опыт был уже приобретен. Вся последующая работа зарубежа протекала в более осторожной форме. Многим зарубежникам приходилось приспосабливаться к обстановке и условиям, в которые они попадали. Если бои шли в Харьковской, Орловской, Курской или Тульской губерниях, зарубежник соответственно внешне применялся к этим губерниям.

Из зарубежников были и хорошие разведчики. Мало того, что они несли свою прямую работу, но часто своей опытностью и смелостью оказывали весьма ценные услуги частям Красной армии.

Иной смышленный зарубежник до того углублялся в тыл белых, что не только подсчитывал количество батарей и пулеметов у противника, но иногда знакомился с солдатами белых и, пользуясь этим, получал ценные сведения. Зарубежникам приходилось пускаться на все хитрости, вербуя для своей работы нужных людей. Жизнь зарубежника, весьма тяжелая, полна опасностей и неожиданностей. Многим приходилось попадать в непроходимые торфяные болота и трясины. К тому-же фронты менялись с чрезвычайной быстротой. Сегодня позиция красных занималась белыми, завтра красными, и т. д. Ориентация в это время у работника должна была быть весьма четкой. Без такой умелой лавировки зарубежник погиб-бы неминуемо. Впрочем, многие т. т. не возвращались обратно в свою семью таганрогская организация большевиков может гордиться такими товарищами, которые вышли из недр таганрогских заводов в эпоху гражданской войны.

Третий и последний подпольный большевистский комитет.

Если мы раньше проследили исторические предпосылки, предшествующие нарождению 1-го подпольного комитета в Таганроге, то следовало бы также в самом сжатом виде пробежать главные моменты развития деникинщины в Таганроге.

Подсчитав число миссий и представительств, стекавшихся в Таганрог в течение 1919 года, можно сказать, что такое разнообразие их вряд-ли видел и увидит когда—либо этот городок. Здесь были французские, английские, американские, итальянские, японские военные миссии и представительства. Все крупные тузы Европы и Америки стекались сюда. Но были и мелкие, и даже мельчайшие державы. Тут были бельгийцы, испанцы, румыны, сербы, греки и даже бразильцы. Каждый старался запечатлеть свое почтение русской нефти, железным рудам, лесу, каменному углю, хлебу, и вообще русскому сырью, а главное рынку. У каждой из этих держав были свои своеобразные интересы. Только с этой, но никак не с другой стороны, заезжали в Таганрог все эти военные и прочие представительства.

Российская контр-революция, в лице генерала Деникина, поощряемая всеми этими проходимцами, купленная с ног до головы европейской и американской буржуазией, из кожи лезла вон, дабы победить Совдепию. Для этого нужны были средства и они выкалачивали их из населения, хотя крестьяне были обобраны реквизицией и различными поборами до последней степени, а рабочие, живя впроголодь, работали свыше 12 часов в сутки.

Городская управа, состоявшая из местной либеральной буржуазии, вкупе с меньшевиками и эс-эрами, из сил выбивалась, дабы не оставить город без хлеба. Но, обезличенная, она была не в состоянии сделать это. Хлеб внутри округа почти иссяк, наличия его в городе было иногда в обрез, а извне доставка проходила весьма неравномерно.

В начале 1919 г. градоначальство запретило даже вывоз из Таганрога свыше 10-ти фунтов муки. Вот каково было положение рабочих и населения города.

На этой почве происходили часто мелкие стачки и остановки заводов: Балтийского и Металлургии.

Мешочничество вспыхнуло с еще большой силой. В Та-

ганрог и округ, как голодная саранча, хлынули жаждущие хлеба. Наплыв мешочников давал себя чувствовать до такой степени, что градоначальник вновь издал приказ о запрете вывоза муки из пределов Таганрога, но теперь уже-5-ти ф.

Не менее тяжелое впечатление на город и округ производили постоянные мобилизации деникинцами населения. В конце 1919 г. дело доходило до того, что мобилизовали не только все взрослое население, отпущенное по болезни и пр., но даже учителей и учеников, начиная с пятого класса гимназий.

Все мобилизованные искали выхода из положения в дезертирстве. Дезертирство было развито до высшей степени и военное командование, ведя борьбу с дезертирством, ввело пункт наказания за дезертирство: плеть и расстрел.

Буруткин М. М. член 3-го подпольного комитета.

В этих случаях обыкновенно об'являлись сроки явок мобилизованных и по прошествии таковых, военно-полевой суд пойманных дезертиров приговаривал от 10 до 90 ударов плетьми, а злостных к расстрелу. Извещения по этому поводу можно было прочитать во всех газетах того времени, но все-же, несмотря на такую жестокую борьбу с дезертирством, явление это раз'едало белую армию.

Пока же добровольцы стремились всеми силами создать хотя бы мираж громкой победы, дабы показать иностранцам силу своего кулака и оправлать те средства, которые давала европейская буржуазия Деникину.

Прорыв конницы Мамонтова в августе месяце послужил темой для генерала Богаевского (донского атамана), прибывшего к этому времени в Таганрог. В речи своей, перед начальствующими лицами и городской думой, он указал на этот прорыв, как на нечто, знаменующее силу белогвардейцев.

Этим прорывом конницы генерала Мамонтова в Тамбовскую губернию командование белых преследовало цель дезорганизации тыла красных и поднятие крестьянских восстаний в тылу Советской власти. Кроме того этот прорыв

отвлекал известное количество красных войск от основных фронтов (южного и восточного), а тем самым ослаблял сопротивляемость красных частей, все еще отходивших к северу под напором Деникина.

И, действительно, в сентябре—октябре 1919 г. момент для РСФСР в военном отношении был наиболее критическим. На юго-западе 4-го сентября был сдан Киев, а 22-го сентября в северном направлении оставлен Красной армией Курск, а уже 17 октября Деникин производил атаки в 15-ти верстах от Орла.

В тоже время нависла угроза и над северной столицей—Ленинградом. Юденич внезапным натиском занял Ямбург и подошел к Пулковским высотам, последним редутам, охранявшим Питер.

Все силы республики были подняты на борьбу с угрозой гибели Октябрьских завоеваний. Все было поставлено на карту. Но неожиданно, в 20-тых числах октября, наступил резкий перелом в пользу Красной армии. Перестроив свои ряды от отступления к наступлению, Красная армия ударила по противнику, оперировавшему под Орлом, и 21 октября достигла полной победы над добровольцами. С этого момента контр-революция, еще так недавно мечтавшая быть в Кремле и выбросившая уже лозунг—„В Москву", начала откатываться сголовокружительной быстротой назад на юг

То же случилось и с Юденичем. Рабочие Питера напрягли все свои революционные силы, истощенные голодом и холодом, и также нанесли ряд ударов под Пулковым бандам Юденича, отбросив его к Ямбургу (20-21 октября), а 15 ноября занятием Ямбурга красные части окончательно раздавили Юденича.

На восточном фронте, с еще худшими для Колчака результатами, уничтожался белогвардейский оплот на Дальнем Востоке.

Ясно, что августовско-сентябрьское положение красных фронтов вызывало тревогу не только в умах и сердцах подпольщиков г. Таганрога. Все российские рабочие, в том числе и таганрогские, с величайшим вниманием следили за грандиозной борьбой двух классов.

В такой именно период и сорганизовался, третий по счету, подпольный большевистский комитет.

2-й подпольный комитет ушел со сцены приблизительно 15-17 июля. 3-й же комитет, по всем сведениям, образовался лишь в конце августа.

Кто же производил работу по руководству ячеек города и округа в этот промежуток?

Тем товарищам, которым следовало уйти с горизонта Таганрога, пришлось, еще до выезда, созвать последнее заседание комитета. На этом-то заседании и был реорганизован комитет. До его организации связь с ячейками (в течение почти месяца) временно прекратилась и работа комитета как бы свернулась несколько, но все же не совсем.

На организационном собрании, происходившем в квартире Петра Павленко, под председательством т. Москатова, присутствовали: Петр Павленко, Пантелей Сбитнев и Николай Диско. После реконструкции в новый комитет председателем вошел Сбитнев, Павленко казначеем,—он же и секретарь. Таким образом, как и при 1-м комитете, мы имели первое время и в 3-м комитете руководящую двойку.

После организации 3-го комитета Сбитнев принял печать и шифр, а Павленко - кассу и дела от Диско. Эта временная двойка работала до тех пор, пока не приехала из Донбюро инструктор т. Ольга.

Активные члены ячеек, временно оторвавшиеся от комитета, долгое время не знали, как завязать связь с комитетом. Они определенно знали, что часть членов комитета, после обновления 2-го комитета, все же осталась, но кто именно—это не было известно.

С целью ознакомления актива с положением вещей, на квартире Петра Борцова, на 8-м переулке по Чеховской улице, было созвано совещание, на котором, после раз'яснения обстоятельств дела, было решено командировать в Ростов-Дон, для восстановления потерянной связи с Донбюро, Федора Гапоненко и Петра Борцова. Но командированные не нашли там предполагаемой связи и возвратились обратно.

Строгая конспирация, после провалов ростовской орга. низации, не дала возможности проникнуть в Донбюро Спустя несколько дней представитель таганрогского комитета снова поехал в Ростов.

В Ростове т. Гапоненко встретился с Петром Москатовым. Он-то и помог завязать связь с Донбюро через т. Сбитнева.

Возвратясь, Гапоненко рассказал Сбитневу свой разговор с Москатовым и Сбитнев в третий раз послал Гапоненко в Ростов, дав ему нужный пароль и явку. Приехав туда, Гапоненко на явочной квартире встретился с „Ольгой“

Между прочим следует заметить, что, по вопросу организации 3-го комитета, члены 2-го комитета утверждают, что не могло быть месячного перерыва от момента ликвидации 2-го комитета и до организации 3-го комитета. Необ-

ходимость организации 3-го комитета была вызвана тем, что за квартирами некоторых членов комитета была установлена слежка и грозила опасность быть расконспирированными и проваленными. Дабы избежать такой опасности 2-й комитет решил обновить состав. К этому моменту были уже вовлечены в комитет новые работники в лице т. Павленко. 2-й комитет, в лице его председателя т. Москатова и казначея т. Диско, передал полномочия т. Павленко на одном из заседаний. Таким образом, после передачи всех явок и всей сети крупных ячеек, не могло быть места приостановке работы. Тов. Гапоненко Федор по этому же вопросу утверждает, что связи у комитета с ячейками не было достаточной, как это было при 2-м комитете и отсутствоваласвязь с Донбюро. Поэтому Гапоненко с Борцовым решили ехать в Ростов и завязать связь с Донбюро. До этого у него была связь с т. Шестуном, последний, находясь под угрозой провала, связь эту временно прервал 1-я поездка в Ростов была неудачной, во вторую поездку Гапоненко встретился с т. Москатовым, который указал ему на Сбитнева, сказав, что он является председателем комитета, и дал явку для связи Гапоненко с Ростовом. Повидавшись со Сбитневым в Таганроге, Гапоненко, уже по поручению последнего и т. Павленко, едет в Ростов и завязывает связь с Донбюро через Ольгу.

Гапоненко Ф. С. член 3 го подпольного К-та.

„Ольга“ просто заявила Гапоненко, что она выедет в Таганрог сама и сделает все, что необходимо для организации. Действительно, через 5 дней она приехала и явилась в квартиру Сбитнева. Поздно вечером Сбитневым были вызваны на совещание Павленко и Гапоненко. На нем была образована комитетская тройка в составе: Сбитнев-председатель, Павленко-секретарь и казначей, а Гапоненко член комитета. Через неделю в комитет были кооптированы Буруткин Владимир и „Ольга“. Вот примерный организационный этап образования 3-го подпольного комитета.

Между членами были распределены обязанности в таком порядке, как мы изложили ранее, только „Ольга“ была выделена инструктором и курьером для связи с Донбю-

ро, Гапоненко ведал военной секцией, а Буруткин являлся просто членом комитета.

Местом заседаний комитета являлись квартира Сбитнева, близ Металлургического завода, и квартира Павленко на Камбициевке по Псалуракинскому пер., бывшая на расстоянии одного квартала от полицейского участка. Дом, где жил тов. Павленко, имел 2 выхода. Соседство полицейского участка и подпольного большевистского комитета было довольно своеобразным контрастом и долгое время не наводило полицию на мысль, что около полиции, сторожевого пса белогвардейщины, находится ее смертельный враг, 3-й подпольный комитет.

Бывали такие случаи, когда, во время заседания комитета, вдруг входит околодочный надзиратель с целью навести какую--то справку. Подпольщики моментально замаскировывали заседание картежной игрой. Все же, в конце концов, полицейский надзиратель заподозрил что-то неладное, и чаще стал посещать квартиру Павленко под разными предлогами: то напиться воды, то по другим каким-либо причинам.

3-й комитет получил богатое наследство от двух старых комитетов. Целая сеть ячеек, довольно крепкие боевые и испытанные единицы в виде боевой дружины, связь через военную ячейку с частями войск, их штабов и проч., все это оставалось нетронутым, продолжающим приносить пользу своим, уже несколько--месячным, опытом.

Связь и руководство в округе осуществлялись через те же ячейки, оставшиеся после двух комитетов. Изменений в округе произошло весьма мало. Они заключались в следующем: в Матвеево-Кургане связь осуществлялась через Страшевского, в Голодаевке-Сытникова и Носово-Болдырева. Активными и строго проверенными считались, кроме уже упомянутых нами, в 1-м и 2-м комитетах, Сбитнев, Евминенко, Корнеев Е., Слепневский, Иващенко, Буруткин, Романенко Иван, Залесский, Чекалов Д., Коклюгин, Широков Иван, Шаболтас Борис, Малышевский Павел, Руденко Тихон, Суровцев, Гапоненко Федор, Белоус Владимир, Ольховский Федор, Лечицкий, Шаповалов, Васильев, и др.

На одном из своих заседаний комитет наметил, приблизительно, программу своей работы, сводившуюся к следующему:

1) Для охваты работы комитетом рабочих масс по предприятиям и для тесной связи с ними, а также для сохранения старой конспирации, в целях обеспечения работы организации-необходимо: организовать ячейки по заводам с тем'

чтобы в ряды организации принимать вполне проверенных и достаточно испытанных рабочих. Там, где ячейки остались, связаться с ними и также строго проверить их, и только после этого поручать им ту или иную работу.

2) Для осуществления работы в округе и связи с ним комитет находит возможным оставить ранее работавших товарищей в этих селах. Кроме этого утвердить для работы: в Матвеево-Кургане Страшевского и Ткаченко Ивана, в Голодаевке-Сытникова, в Носово-Болдырева.

3) Организовать военную секцию под руководством Гапоненко Федора и Иванникова Степана, поручив им повести подготовительную работу для вооруженного восстания, как в городе, так и в округе, с целью захвата власти. Для осуществления целей восстания-поручить военной секции приобрести соответственное количество оружия и патронов, и вообще всего, что необходимо для выступления. Оружие, имеющееся в распоряжении комитета, привести в должный порядок.

Соответствующую подготовительную работу провести среди военных частей, находящихся в городе.

4) В виду того, что наблюдается оживление среди рабочих масс Металлургии и Балтийского заводов в профессиональной работе, комитету необходимо проводить эту работу среди рабочих, созывая по профлинии, по возможности, собрания рабочих по заводам и, где это будет возможным, раз‘яснять рабочим действительные задачи профсоюза во время гражданской войны, этим самым ведя борьбу с меньшевиками и эс-эрами, как с предателями рабочего класса.

5) Повести агитацию и пропаганду среди рабочих, работающих на военных заказах для белой армии, дабы рабочие по возможности делали больше брака снарядов и прочего военного снаряжения, а в особенности на Балтзаводе, задерживая ремонт оружия, и проч.

6) Железно-дорожной ячейке поручить вести работу в области выявления количества передвижения войск и в направления, стремясь препятствовать этому передвижению всеми имеющимися силами и средствами, и ставить в известность обо всем комитет.

7) Ячейке электро-станции стремиться, там, где это возможно, прекращать подачу энергии, дабы этим задерживать работу в мастерских нанося этим ущерб врагу.

Таким образом, мы видим, что 3-й комитет прежде всего поставил перед собою задачу не только переорганизации ячеек, но и строгой их проверки.

Оставляя в городе и округе прежние действующие ячейки комитет, учитывая общее положение, создавшееся на фронтах и внутри города, расширил свои задачи не только подготовкой к захвату власти, (что он и осуществил впоследствии), но главное, что было новым в деятельности 3-го комитета,-об'явление открытой активной борьбы с соглашательскими профсоюзами (главным образом, союзом металлистов) города. И, действительно, задачей наступившего периода была необходимость, во что бы то ни стало, завоевать под свое влияние рабочие массы, начинавшие активно выявлять недовольство белогвардейскими порядками. Как зараза, глубоко засевшие в рабочую гущу меньшевики, через правление союзав, проводили свою предательскую работу отравляя соглашательским ядом умы таганрогских пролетариев.

Евмененко Ф. пред под. завкома металлургии.

Успешное осуществление борьбы за массы означало для таганрогских большевиков победу не только над буржуазными партиями меньшевиков и эс-эров, но и полную победу над контр-революцией. В эту-то сторону и была направлена, по существу, вся работа 3-го подпольного комитета.

Программа, которую наметил себе комитет, осуществилась, впоследствии, почти в полной мере. Успешность агитации и пропаганды среди рабочих, работавших на военных заказах для белой армии, сказалась как на Балтийском так и в снаряжательной мастерской. Были случаи, когда белому командованию потребовались срочно патроны для фронта. Для выделки этих патронов (около 80000) были выданы капсюли, но когда была приготовлена почти половина заказа, капсюли все оказались отсыревшими и патроны не стреляли. К характеристике работы ячейки Балт-завода надо прибавить, что ячейка поставила перед собою задачу полной дезорганизации завода, что отчасти и удалось ячейке сделать. В, самый разгар наступления Деникина ячейка, через члена ее т. Иващенко, работавшего контролером-лекальщиком в инструментальном цехе, проводила саботаж и порчу инструментов. Дело было поставлено так, что производству нехватало инструментов. Инструменты хорошего качества разбирались и давались худшие, что тормозило изготовление снарядов и патронов. (Луганский патронный завод

был перевезен белыми в Таганрог на Балт-завод). Кстати, на Балт-заводе было большинство крестьян-кулаков и торговцев, не понимавших ничего в производстве, и тем легче было проводить работу по саботажу.

В частностях, весь указанный выше план оставался той же работой, какую осуществляли предшественники 3-го комитета. В организационном отношении новым была, организация военной секции при комитете, вместо военной ячейки при 1-м и 2-м комитетах. Секция являлась как бы штабом, руководящим всей военной работой комитета, и состояла из трех т. т. *)

Литература и газеты, по мере укрепления связи с ростовской организацией, получались в мешках в замаскированном виде, через курьеров, своих людей и проводников поездов. Таким проводником был кондуктор, теперь член ВКП(б), Федорко Семен. Литература привозилась обыкновенно на квартиру т. Павленко или т. Сбитнева.

К сентябрю распространение газет и литературы стало делом весьма трудным.

У заводов жандармерия, при входе в ворота, постоянно производила внезапные обыски рабочих. Осведомители или, как их тогда называли, „старатели" охранки о случаях обнаружения большевистской литературы и газет немедленно сообщали жандармскому полковнику, который приезжал и делал поголовный обыск у рабочих. Но, несмотря на „старателей", заводы наводнялись литературой.

В один из таких обысков чуть не поплатился за проноску литературы член комитета Петр Павленко, и друг. т.т. Обильно уснащенные литературой и газетами, заткнутыми за пояс рубахи и брюк, они явились было к заводу, чтобы пройти в него. В это время один из служащих, не обращая внимания на обыски, пытался было пронести газеты в корзинке, но при входе был обыскан и задержан. Охрана завода, найдя нелегальщину, тут-же на глазах рабочих избила смельчака и увезла в неизвестном направлении. С техпор товарищ этот изчез навсегда с горизонта Таганрога. Способ такого „исчезновения" контр-разведка практиковала часто и таких случаев в тогдашней жизни Таганрога бывало не мало. Случалось даже, что такого несчастного завозили куда-нибудь к еврейскому кладбищу, расстреливали и бросали прямо на дороге.

Опасность агитационной работы все более и более усугублялась и, дабы прибывшую печать переправить в нуж-

*) Между прочим, при 3-м комитете была и секция по работе на селе. В нее входили т. т. Буруткин, Корецкий и Иващенко.

ный завод, прибегали ко всевозможным уловкам. К сентябрю проникать в заводы и воинские части было весьма трудно, в особенности на Балтзавод, авио и авто-части. Но изобретались способы проникновения и в эти „запрещенные" места. Например, путем выделки зажигалок, Павленко проникал в авио-части, снабжая солдат этими зажигалками, а Владимир Белоус попадал в Авио и авто-части путем ремонта магнето для авто-машин. Тов. Широков Иван сумел приспособиться даже к полицейским участкам, снабжая более надежных полицейских большевистской печатью.

Для верной проноски литературы и проч., работавшие там т.т. приходили на работу с большим опозданием, минут на 20-25, чем и достигали с успехом цели.

Изменение настроения рабочих в сторону необходимости активно поддержать красных началось, примерно, с конца сентября месяца, когда металлисты Таганрога, наконец, открыто заговорили языком настоящим пролетариев. Так было не только в городе, но и в округе. В 20 числах октября в целом ряде рудников Макеевского района Тагокруга вспыхнула стихийная забастовка. Забастовка закончилась уступкой со стороны промышленников, повысивших заработок на 70-100 проц. Назревание недовольства в массах развивалось не только в силу экономических условий, как пресс давивших эти массы, но благодаря и тем проблескам политической жизни, которые сверкнули после ударов, нанесенных белым под Орлом. Нервность белых начала проскальзывать в их ряды, а рабочие массы, всегда чуткие к таким явлениям, учтя это, стали больше и больше нажимать на администрацию заводов.

Настроения эти начал использовывать и подпольный комитет, через металлургическую ячейку. Завод Металлургии первый стал на путь открытой борьбы с белогвардейщиной.

На Металлургии к этому времени оформилась ячейка в составе т.т. Сбитнева, Евминенко, Снименко Григория, Коклюгина, Чекалова Дмитрия, Капонева Павла, Гапоненко Федора, Матрос, (фамилия не установлена, умер от тифа в 1919 г.), и еще ряда товарищей. Руководящая тройка ячейки была из трех: Буруткин, Евминенко и Гапоненко. Председателем ячейки являлся Буруткин.

Соглашательский союз металлистов, существовавший буфером между рабочими и администрацией, совершенно (как мы потом увидим) был бессилен что-либо предпринять для улучшения рабочего быта, и лишь низко раскланивался перед белогвардейской властью, толкая рабочих

назад с их требованиями и прячась за широкие спины „хозяев“.

Существовавшие меньшевистские заводские комитеты на крупных заводах были также заслонкой белогвардейщины и рабочая масса абсолютно не считалась с ними. Меньшевики верно служили своим „хозяевам“, находя поддержку у более консервативных рабочих.

Широков Иван.

Понятно, что подпольно работающим ячейкам большевиков первое время было трудно вести борьбу с легально работавшими меньшевиками, тем более, что администрация и все мастера, как меньшевистские „старатели“, следили за каждым проявлением большевизма в цехах.

Был случай, когда мастер одного из цехов, Шибаев, заметив, что тов. Буруткин занимается разговорами с рабочими во время работы, предложил ему тотчас же оставить завод. В то же время приходившие для своей агитации, хотя бы и во время работы, —меньшевики встречали сочувствие и поддержку со стороны этих „старателей“.

Но большевики не обращали внимания на угрозы и часто, во время получасового перерыва на завтрак, в столовой вели беседы на различные политические темы. Рабочие, быстро узнав об этих беседах, стали стекаться в большом количестве в столовую послушать, что говорят большевики. Меньшевикам это совсем не нравилось и они всячески старались срывать беседы, обвиняя членов ячейки, что они якобы вошли в профсоюз металлистов с целью его разложения, и даже попытались, но неудачно, поставить вопрос об исключении почти всех членов большевистской ячейки из союза.

Дошло до того, что правление металлистов, боясь „заразы“, командировало на каждый завтрак кого—нибудь из членов правления. Но и это их не устраивало.

В один из дней, на металлургию явился член правления с докладом о коллективном договоре, заключенном с администрацией, по существу связавшем по рукам рабочих, и обязывавшем их поднять интенсивность труда на заводе за незначительное повышение зарплаты.

Оглашенный договор вызвал глубокое негодование среди рабочих масс. Первой провалила договор механическая мастерская Металлургии.

На второй день соглашательское правление металлистов созвало экстренное делегатское собрание на углу ул. Свердлова (быв. Александровская), что против теперешнего здания ТАСПО.

На собрании присутствовало до 150 делегатов. Доклад о договоре делал Семен Фаер. Этот Фаер начал доклад с обвинения большевиков в срыве коллективного договора, говоря, что они этим срывом договора играют на руку владельцам.

Несмотря на явную демагогию Фаера, коллективный договор был все же провален и делегаты выдвинули вопрос о забастовке. **Руководители оборонческого правления союза металлистов, Фаер, Берке, Васьков, Сальников и Серлин, заявили делегатскому собранию, что союз забастовки не допустит и будет бороться с ней всеми средствами, а в случае, если забастовка возникнет—правление сложит с себя всю ответственность за ее последствия.**

На следующий день весть о забастовке на Металлургии разлетелась по всем заводам (это было приблизительно в конце октября) и все заводы приняли эту весть, как сигнал к забастовке, кроме Кожевенного. Но этот поступок никого не удивил, ибо от рабочих Кожзавода нельзя было ожидать товарищеской солидарности.

После того, как вопрос о забастовке стал предметом обсуждения широких рабочих масс, он естественно перешел и в подпольный комитет. Последний созвал заседание, совместно с ячейкой Металлургии, на квартире у тов. Евминенко. *)

К этому моменту из-за рубежа прибыла Мария Минская (Карагодская). На собрании присутствовали: т.т. Буруткин, Минская, Евминенко, Гапоненко, Сбитнев, Копанев, Слоневский, Павленко и друг.

Минская, в вопросе о забастовке, внесла целый ряд новых моментов. Она указала, что если союз отказывался от руководства забастовкой, то его следует взять в руки подпольного комитета, введя забастовку в такое русло, дабы Красная Армия, ведущая на фронте борьбу, имела лишний раз подтверждение, что рабочие, живущие в тылу белогвардейцев, не спят, а также действуют и помогают ее победе. Забастовка рабочих Таганрога вливала некоторую бодрость в ряды красных частей.

---

*) К этому времени весь почти состав подпольного к-та находился на Металлургии, и естественно, что оттуда и осуществлялось руководство большевиков всей работой Таганрога и округа.

С утра следующего дня срочно были разосланы по всем заводам подпольщики для будирования рабочих на забастовку.

Рабочие быстро отозвались на предложение о забастовке и требовали этого от правления союза металлистов.

Правление, пригласив представителей делегатских ячеек заводов, устроило экстренное собрание правления по этому поводу.

Правление союза, из вышеперечисленных лиц, на этом заседании определенно выяснилось, что, по мнению правления, забастовку проводить нельзя, в особенности, в данное время, и категорически отказалось от участия в руководстве этой забастовкой.

Но эти заявления не испугали делегатов. Они остались на своей точке зрения и своей резолюцией настоятельно требовали забастовки. Эта резолюция вызвала уход Васькова из правления союза металлистов.

Вечером того же дня вновь было созвано делегатское собрание в 200 слишком человек. Выступавший Семен Фаер вновь пытался сбить делегатов с позиции, предлагая идти к градоначальнику и просить его содействия, дабы он повлиял на дирекцию по части улучшения положения рабочих заводов. Присутствовавший на собрании Иван Василенко обрушился на Фаера и дал ему резкую отповедь, заявляя, что такое поведение правления металлистов равносильно контр-революции. „Идти попрошайничать, и у кого? Это вам не Советская власть, а реакция", закончил т. Василенко.

Борьба за забастовку с меньшевиками и с правлением союза металлистов длилась очень долго. Меньшевики даже пытались „сходить" к градоначальнику, но неудачно. Забастовка все же, в конце концов, началась. Меньшевики вскоре сорвали забастовку на Балтзаводе, но большевики, по существу, остались победителями. Массы пошли за ними, отвернувшись окончательно от соглашателей.

Борьба за рабочие массы и за забастовку шла почти половину сентября и весь октябрь. Забастовка длилась с конца октября всего шесть дней. И 1-го ноября заводы возобновили работу. Металлисты согласились на увеличение тарифной сетки на 125%, сдельной расценки—на 75%, и проч. Хотя заводы Таганрога бастовали лишь частично, но в этой борьбе за забастовку момент подпольным комитетом был хорошо использован. За это время большевики успели укрепить в сознании рабочих масс, что они являются единственными людьми, которые смело ведут защиту интересов рабочих.

Борьба за забастовку убедила рабочие массы также, что большевики и не думали покидать их ряды, а лишь глубоко скрывались в подпольи от хищного и жестокого ока белогвардейцев. С этого момента большевистская организация Таганрога, в сознании рабочих масс, еще более укрепилась, как их организация.

Между тем белые откатывались от Орла к Харькову, сея по пути тревогу и панику, доносившуюся глухим эхом до рабочих Таганрога. Симптомы тревоги и растерянности появились и у буржуазии. Кое-кто, потихоньку, начал подготовку к эвакуации.

Подходила зима. Работа большевиков на заводах стала принимать все более и более яркую форму. Рабочие, зная определенно тех или иных подпольщиков, обращались к ним со всевозможными вопросами, минуя профсоюз.

Однажды на Металлургию явился некий Васищев для прочтения лекции „Россия и большевистская зараза". Металлуржцы с треском сорвали лекцию белому лектору и он принужден был уйти восвояси. В то же время подобная лекция прошла на Большом Кожзаводе, где была принята резолюция, сводящаяся к рекомендации: „вести решительную борьбу с большевизмом".

Правление соглашательского союза металлистов, также чувствуя свои дни сочтенными, пыталось привлечь в правление авторитетных большевиков, приглашая с этой целью т. Евминенко в члены правления, но тот категорически отказался.

Металлургический завод был в то время самым авторитетным заводом в городе. К нему прислушивались все остальные. Администрация завода, видя влияние отдельных членов ячейки, старалась раз'единить их по отдаленным цехам, разобщая их в работе. Но это мало помогало.

Как мы видим, осенние месяцы как будто ослабили репрессии белых не только к большевикам, а и к большевистски настроенным отдельным их представителям. Понятно, что белые ничуть бы не постеснялись в другое время расстрелять одного-другого рабочего, заподозренного в большевизме, но дела их складывались так, что им приходилось учитывать тыл, состоявший из активных рабочих масс. Малейший сильный нажим со стороны белых мог бы вызвать неприятные для них осложнения, тем более, что в прошедшее лето слишком много лилось рабочей крови на мостовых Таганрога.

В самой деятельности большевистского комитета не было никакого намерения, пока, выходить из подполья. Рабо-

та его продолжала идти по тому же направлению, как это было и при 2-м комитете. Все ячейки вели попрежнему определенную для них работу, по определенным заданиям, готовясь постепенно к захвату власти.

Сельские ячейки чувствовали также наступление перемены в тактике белых. В некоторых волостях крестьяне почти открыто стали поговаривать о близком приходе Совласти.

В период, когда добровольческая армия начала терпеть поражение за поражением, положение заводов Таганрога становилось все хуже и хуже. Белые незаметным образом стали вывозить кое-какие ценности города. Администрация заводов опускала руки, чувствуя близкое свое падение. Заводы находились под угрозой быть растащенными. Рабочие собирались кучками, обсуждая вопрос, как спасти положение завода. Это настроение быстро учла ячейка и взяла инициативу в свои руки. С ведома подпольного комитета, на одном из заседаний ячейки был создан нелегальный, подпольный заводской комитет из большевиков, в него вошли т.т. Евминенко, Буруткин, Гапоненко, Гусаков и Копанев; председательствовал в комитете т. Евминенко.

С первых же шагов заводской комитет принял меры к прекращению вывоза из завода сортового и кровельного железа, а затем, отобрав ключи у главного экспедитора, заводской комитет стал хозяином положения завода.

Далее, заводской комитет приказал машинистам все вагоны, наполненные материалами заводской продукции, растащить по ветке и ничего не вывозить за пределы завода без его ведома. Это поведение Металлургии быстро передалось и по другим предприятиям Таганрога.

Это обстоятельство дает право назвать нелегальный комитет завода—первым военно-революционным комитетом, начавшим активно применять на деле захват власти.

Соглашательский завком был разогнан. Все активные силы подпольщиков были пущены на военную работу. Нелегальная разведка, брошенная во все заводы и главные пункты города, почти каждый час доносила о состоянии настроения частей войск белых, заводов, населдния, и проч.

Вскоре разведка сообщила, что белые собираются останавливать заводы, а годных к ношению оружия рабочих мобилизовать на фронт.

С этого момента комитет начал готовиться к вооруженному отпору. Все наличие оружия доставалось из тунелей и потайных складов, а то прямо и из под верстаков,—

чистилось и приводилось в порядок. Боевое настроение рабочих вновь становилось для белых роковым.

Отдельные рабочие приходили в подпольный комитет и предлагали свои услуги. Были и такие, которые вручали комитету целые партии винтовок, спрятанные ими еще во время отступлении Красной гвардии. *)

Наряду с вооруженным отпором белогвардейцам, борьбой за массу, за забастовку и проч., подпольный комитет все же не терял и других частей работы.

Белые с каждым днем очищали все больше и больше территорий и откатывались на юг. Ежедневно все новые и новые части белых, живые силы, средства и военное снаряжение бросались на все пожирающие фронты: танки, броневики, бронепоезда, пулеметы, снаряжение, обмундирование, так любезно предоставленные европейской и американской буржуазией Деникину, бросались белыми, или же в боях захватывались красными частями. Живых сил не хватало. Надо было искать новые пополнения и затыкать прорывы, но глубоко заразившее белую армию дезертирство разлагало ее.

Иващенко Н. В.

Вот такое отчаяние и охватило белых. Правда, они старались всеми силами скрывать все эти язвы и поражения под маской военного спокойствия, но те мобилизации, кототорые производил Деникин, ясно говорили всем, что благополучие и устойчивость добровольческой армии поколеблены безвозвратно.

А в это время подпольный комитет не дремал. Он, действуя через военную секцию, во время мобилизации белыми населения, выдает подпольщикам огромное количество бланков с печатью и штампами командира 2-го корниловского полка, для раздачи дезертирам белой армии. В октябре военная секция выдала только одному тов. Ткаченко 600 штук бланков, за подписью и печатью войскового старшины и помощника начальника по военной части,

*) Один из рабочих Металлургии действительно зарыл под стеной механической мастерской завода 15 штук винтовок и передал их в этот момент в комитет. К сожалению фамилии этого рабочего установить не удалось.

для той-же цели; а эти удостоверения выдавались прямо на призывных участках вновь мобилизованным.

Военная секция успешно вела и работу по разложению частей белых, стоявших в Таганроге.

В октябре месяце на участке Гуляй-Поле—Орехово-Волноваха оперировал Махно; 1-му саперному батальону предстояло выступить на фронт против Махно. В это время Иванников предложил комитету проэкт (в случае, если батальон выступит) сдачи его Махно, со всем снаряжением и боевыми припасами, как это проделал чехо-словацкий полк, в котором работали члены ячейки т. т. Радченко и два Снименко, Михаил и Лаврентий. Полк этот прибыл в гор. Александровск и простоял там полтора месяца; после этого один из его батальонов был послан на Махно, под Кривой Рог и ст. Апостолово, где находился тогда Махно. Прибыв в Апостолово перед вечером, батальон полка пошел в наступление, и, как только столкнулся с частями Махно немедленно перешел всем составом к махновцам. Офицеры успели убежать. На другой день деникинцы направили и второй батальон по направлению на Александровск, но с теми же результатами. Утром Махно уже занял Александровск и ему сдался весь Чехо-словацкий полк. К нему присоединился и стоявший там полк Николаевский.

Подобную же операцию предлагал и т. Иванников проделать с 1-м Сап. Бат., но комитет, обсудив предложение, отклонил его, указав Иванникову, что этого в настоящее время делать нет смысла, т. к. все равно батальон сам по себе разложится. Вместе с тем комитет предложил военной секции, на том же фронте, в тылу деникинских частей производить взрывы мостов, железных дорог, и т. д. Эта работа была поручена т. т. Кондрашеву Тимофею и Иванову.

Военная секция проэктировала захват оружия, находящегося в портовых складах, еще в сентябре месяце.

Проэкт заключался в том, что, в условленное время, к военным складам будут поданы, со стороны порта, лодки. Предварительно предполагалось пробить стену склада, где находилось оружие. Часового к этому времени предполагалось поставить подпольщика, а, если почему-нибудь часовой будет белый, то предполагали его убить. Все захваченное оружие, в лодках, направить куда, укажет комитет. Но ни Сбитнев, ни Шаповалов этот проект не одобряли, боясь его сложности и невыполнимости. Члены военной секции были сильно взволнованы этой нерешительностью комитета, но Сбитнев категорически отказался дать согласие на это дело и проэкт не был осуществлен.

Подпольный комитет с напряженнейшим вниманием следил за развертывающимися событиями. Разведчики неослабно следили за всеми изменениями, происходящими в городе. А изменения происходили весьма крупные.

В городе с каждым часом росли сведения о роковом, для буржуазии, исходе борьбы. Красная армия приближалась все ближе и ближе. Сердца трудящихся с величайшей радостью бились от этих известий. Белогвардейцы не могли скрывать тревоги, нередко переходившей в панику.

4-го декабря отход белых частей от Харькова до смерти напугал местную буржуазию. (Миссии и представительства иностранной буржуазии и высшее командование заранее выехали из города).

С занятием Харькова красными все стали откровенно собираться к от'езду, местные тузы, напакостившие рабочим и крестьянам, шпионы, провокаторы и проч. продажная шваль потянулись к выезду.

Таганрог начинал преображаться. Но, очевидно, кое кто и обнадеживал себя на улучшение положения на фронте белых.

Подпольный комитет, учитывая все изменения в на строениях города, не стал долее ждать и решил послать одного из представителей для связи с Красной армией. Это было в тот момент, когда советские войска стояли уже в Неклиновке *). Посланный возвратился лишь с момента прихода красных в Таганрог.

Штабы белых стали сворачиваться и уходить, а к 18-му декабря градоначальство Таганрога официально известило городскую думу о передаче ей охраны города, „на случай ухода городской стражи".

В одну из ночей председатель подпольного комитета, дежуривший на водопроводе Металлургии, прибежал на квартиру Евминенко и сообщил, что город покидают белогвардейцы.

Действительно, отступление белых началось, самое отчаянное, самое паническое.

На ст. Таганрог давно уже стояли поезда белых с надписями: „Вперед на Москву"! Вереницы санитарных вагонов и эшелонов с ценными грузами были неподвижны. Ячейка железнодорожников, состоявшая из т. т. Шаповалова Ивана, Лечицкого Павла, Абраменко Ивана, Кириченко Ивана и друг., активно применяла свои знания к наибольшему уничтожению возможности захвата белогвардейцами различного ж.-д. имущества.

*) Фамилии посланного для связи не удалось установить.

Ведя и раньше пропаганду и агитацию среди рабочих узла и депо, ячейка железнодорожников имела хороший успех, и теперь, при отступлении белых, она испытывала плоды своей долгомесячной, подпольной работы.

Задолго до отступления белых, ячейка организовала боевую дружину из 42-х человек, состоявшую почти из беспартийных. Дружина предназначалась для захвата власти на узле, а также—сохранения имущества, подвижного состава и железнодорожных сооружений, несения охраны и проч. в момент ухода белых. Она состояла из следующих т. т.: Маклакова Максима, Гонтаренко Василия, Шпилевого Петра, Ершова Александра, Лечицкого Павла, Кобзева Алексея, Абраменко Ивана, Мохота Николая, Романченко Ивана, Синявского Ивана, Лобинцева Ивана, Горлова Федора, Ткачева Семена, Шаповалова Ивана, Литвинюка Игната, Кириченко Ивана (умер), Кириченко Якова, Беззапонного Василия, Новопалец Павла, Козленко Ивана (был избит белогвардейцами, после чего умер), и др.

Когда этот момент наступил, на поездах белых, где стояло „Вперед на Москву", появилось—„Назад, белая свора, для принятия соленых ванн".

За несколько дней до ухода деникинцев рабочие железнодорожники покинули производство, а машинисты-паровозы. Это еще более посеяло панику среди уходящих. Белые метались по путям, бессильные и жалкие, не находя сил и возможностей выехать на давно потушенных паровозах. Животный страх сковал их и они пешком, на колесах, верхом на лошадях, бросая тачанки, оружие, шли по направлению к Ростову. Обозы белых растянулись на несколько верст.

Члены подпольных ячеек и рабочие, уже вооруженные, нападали на обозы и обезоруживали их, направляя на Металлургию где помещался подпольный комитет, ставший работать уже открыто.

Белые на ст. Таганрог пытались, при уходе, взорвать телеграфный коммутатор, но, благодаря принятым мерам ячейкой ж. д., коммутатор остался невредим. Они ограничились захватом нескольких телеграфных аппаратов.

На всех путях и важных постах железно дорожного узла и у вагонов, стоящих с грузом, ячейка выставила охрану из боевой дружины.

Между тем подпольный комитет принимал ряд мер общего и военного порядка по захвату власти в городе. Но прежде всего были приняты меры к сохранению Металлур-

гического завода, т. к. стражу завода белые сняли и направили на Ростов.

Был вызвав начальника двора, которому было приказано, под его личную ответственность, охранять завод.

На утро комитет созвал срочное заседание для обсуждения создавшегося положения. Приняв меры по вооружению рабочих, комитет приступил к организации власти, т. е. захвату города в свои руки.

К этому времени в городе уже появились воззвания городского самоуправления, извещавшие население о том, что власть вся в городе передана в руки городской управы, возглавляемой тогда Моравским.

Вечером того же дня подпольный комитет созвал, в помещении 3-го подпольного комитета Металлургическ. завода, общее собрание всех подпольных ячеек и отдельно приглашенных рабочих, всего около 70 человек. На этом собрании комитет поставил окончательно вопрос о захвате власти и об освобождении политических заключенных.

Белые между тем отступили до Марцева,—а с Марцева, вдруг, потребовали дежурного по депо. В это время по депо дежурил рабочий Беззапонный. Белые приказали Беззапонному немедленно отправить на Марцево два паровоза с бригадой. Беззапонный обратился к уже своему коменданту станции, т. Шаповалову, за разрешением этого, вопроса. Последний приказал потушить все паровозы и распустить рабочих.

Белые, возмущенные неприсылкой бригады и паровозов посылают в Таганрог бронепоезд „Орел", намереваясь взять силой требуемые ими паровозы и бригаду,—но прибыв сюда принуждены были, в бессильной злобе, возвратиться обратно. Перед от'ездом белые пытались сорвать замки у пакгаузов, но лишь успели открыть один из них, где сохранялась кладь пассажиров. В ту же ночь белые пытались поджечь 40 цистерн с бензином и керосином, но ячейка своевременно отправила их в порт и этим предотвратила огромное несчастье.

Были и курьезы, Из Синявской звонят на стнацию Таганрог и просят коменданта станции к аппарату. Шаповалов подходит и спрашивает:

„С кем имею честь говорить". В ответ он получил:

„В каком вы чине?" Таганрог сказал:

„В чине слесаря паровозных мастерских". Голос из Синявки возмущается и кричит в аппарат, что ему не до шуток, что он будет жаловаться самому Деникину, угрожая прислать казаков и всех перестрелять.

На это белогвардейскому офицеру из Таганрога сообщили, что напрасно беспокоить казаков, т. к. на станции Таганрог стоят красные и вряд ли казакам будет удобно расстреливать рабочих. Тогда голос отвечал; „А что же нам делать?" Таганрог посоветовал: „Мажьте салом пятки и бегите без оглядки".

Лечицкий П. М.

Федорко Семен.

При отступлении белые грабили не только железнодорожное и прочее имущество, но врывались, по пути на Ростов, в отдельные дома и раздевали почти донага всех идущих по направлению на Таганрог. Так были ограблены двое кондукторов--Федорко Семен и Александр Верболович, и смазчики Груднев и Скиц Денис. У них были сняты сапоги и отнята одежда. Груднев от побоев вскоре умер.

Пока происходили события на ст. Таганрог, собрание подпольщиков Металлургического завода поручило т. Евминенко немедленно взять в свои руки военное руководство городом.

Собрание также выделило тройку для переговоров с городской управой о немедленном освобождении заключенных, обвиняемых в большевизме. В эту же ночь постановлением подпольного комитета было предложено городской управе сдать свои полномочия и власть военному коменданту т. Евминенко. От членов городской управы была взята подписка, что в случае, если произойдет какой-либо казус в отношении новой власти, весь состав городской управы ответит своей жизнью. У самоуправления были из-

яты все суммы, около десяти миллионов рублей, захвачены типографии, в которых комитет печатал воззвания и приказы по городу. К утру были освобождены политзаключенные.

Началась перевозка брошенного белыми оружия на все заводы для вооружения рабочих. Заводы, желдорога, порт, почта, телеграф, тюрьма, склады и вообще все места, имевшее государственное и хозяйственное значение, были заняты рабочими отрядами. Рабочие прнялись за устройство новой власти, несмотря на то, что красные части еще отсутствовали в городе, а белые двигались от Марцево к Ростову и передвигались со стороны Мариуполя по побережью Азовского моря. Каждую минуту можно было ожидать налета белых.

Вплоть до прихода красных, в городе, в эти дни, наблюдалось чрезвычайное множество пожаров. Неизвестными лицами поджигались склады в порту и других местах. Рабочие и население хорошо помнят трескотню взрывавшихся патронов из подожженных складов. Борьба с пожарами затруднялась тем, что белые увели всех пожарных лошадей, вместе с лошадьми исчез и брандмейстер. Участились грабежи. Появилось много пьяных. Белогвардейцы оставили много спирта в порту, успев часть его выпить. Банды оставшейся белой своры, групируясь за городом, по ночам врывались в него, грабили магазины, насиловали женщин. Переходный момент чувствовался во всем. Непривычная деятельность ставила некоторое время подпольный комитет в затруднительное положение. Ему выпала совершенно новая и невиданная доселе работа.

Рабочие дружины, сорганизованные подпольным комитетом, дни и ночи чистили город от бандитов, борясь с пожарами, охраняя имущество, безопасность и жизнь населения. Жители боялись выходить на улицу даже днем. Вечерняя беспорядочная стрельба по всему городу наводила страх

Трудящиеся не сомневались в том, что Красная армия вступит на территорию Таганрога. И, действительно, 24 декабря, ровно в 3 с половиной часа дня, к вокзалу под‘ехала красная разведка в 6 человек, и спросила:

„Есть ли здесь белые, или нет“?

Получив отрицательный ответ, красные разведчики поскакали в центр города, а через полчаса показалась кавалерия в буденовских шлемах, а еще через полчаса на станцию прибыл бронепоезд „Красный Кавалерист“. Через короткое время прибыл бронепоезд им. Троцкого.

25-го декабря утром на ст. Таганрог начальник штаба 13-й армии предложил железнодорожникам приготовить несколько паровозов для переброски красных войск по направлению к Ростову. Вскоре после этого вошли отдельные части 13-й армии 9-й дивизии.

Этим было положено начало возрождения власти Советов в Таганроге.

При составлении настоящей книги были использованы следующие материалы, кроме общей литературы:

1. Календарь-хроника, составленный Таг.-Истпартом за 1917—19 гг. 2) Газеты: „Приазовский Край" за 1918—19 гг., „Таганрогский Вестник" за те же годы, „Южное Слово" то же, бюллетени „Таганрогского Вестника", „Наша мысль", „Таганрогский Пролетарий", „Вестник Украинской Народной Республики", „Известия Сов. Раб. Депутатов" 1918 г., и 3) Дела Городской Думы и Управы, приказы Советской власти в Таганроге, протоколы заседаний Совета Рабоч. Депутатов за 1918 год, протоколы С'езда Крестьянских Депутатов, „Бюллетени экстренного совещания" городской управы с Профсоюзами, и протоколы заседаний подпольной секции. 4) Воспоминания участников.

СПИСОК ПОДПОЛЬЩИКОВ

таганрогской организации ВКП(б) периода 1918-1919 г.г. упомянутых в книге „Большевистское подполье".

1. Азаров Степан, член 2-го подпольного комитета.
2. Авилов—ячейки села Николаевки.
3. Абраменко Иван, желдорожная ячейка.
4. Болдырев К. М., курьер-зарубежник.
5. Буруткин М. М. член 3-го подпольного комитета—метал. завод.
6. Беликов (Ванька Золотой) член боевой дружины—кож. завод.
7. Бельмач Василий,—ячейки Синявская,-Самбек.
8. Баранников,—ячейки балтзавода.
9. Биркин Иван, Электростанция
10. Белоусов Иван, Военная ячейка.
11. Беляйчик, боевая дружина.
12. Белоус Влад., „ „
13. Большунов, ячейка Котельновго завода.
14. Беляев А., яч. Кожевенного завода.
15. Безродный яч. села Федоровки
16. Васильев Е. В. Электростанция.
17. Головин М. З. член 1-го подпольного комитета.
18. Гапоненко Ф. С. член 3-го подпольного комитета.
19. Галицкий, ячейка села Никандровка.
20. Головченко, ячейка Синявская-Самбек.
21. Галицын, яч. Матвеев-Курган.
22. Гусаков, ячейка Металлургии.
23. Диско Н. С., член 2-го подпольного комитета.
24. Давиденко А. П., Портовая ячека.
25. Долгополов, ячейка М.-Курган.
26. Евминенко ф. М., председатель подпольного заводского комитета на Металлургии.
27. Ершов Пантелей, ячейка села Малковки.

28. Забурненко Павел и Иван, ячейка Армянской косы.
29. Зарубов, боевая дружина.
30. Золотарев, Электростанция.
31. Залеский.
32. Иванников С. П. Военная ячейка.
33. Иващенко Н. В. ячейка Балтзавода.
34. Косушенко Иван, яч. Б.-Кирсановки. Погиб в реке Миус, спасаясь от белых после попытки взорвать мост.
35. Козлов П. П, Латоновская ячейка.
36. Комаров, яч. Б.-Кирсановки, умер в тюрьме.
37. Калашников П. Т., военная ячейка, зарублен офицером.
38. Карагодская-Малиновская, член 1-го подпольн. комитета.
39. Колодезев, Портовая ячейка.
41. Кужелев, ячейка села Алексеевки.
42. Кунов ячейка села Голодаевки.
43. Корнеев Е. А.
44. Кириченко Иван, ячейка жел.-дороги.
45. Копанев, ячейка Металлургии.
46. Коклюгин, ячейка Металлургии.
47. Корнякова ячейка Александровки.
48. Ларин А. А. член первого подпольно Комитета.
49. Лечицкий П. М., ячейка желдороги.
50. Лисицкий В. Я.
51. Москатов П. Г. член 1-го и председатель 2-го подпольных Комитетов.
52. Монченко Николай, ячейка села Латоново.
53. Меркулов сельская ячейка.
54. Малышевский Павел.
55. Николаенко А. И. курьер-зарубежник.
56. Наливайко Е. Н. Председ. 1-го подпольного Комитета.
57. Неклюдов Борис, ячейка Электростанции.
58. Опешко Иосиф, ячейка Сенявская и Курлацкая.
59. Павленко П. С. член 2-го и 3-го подпольных Комитетов.
60. Пауков, яч. Б.-Кирсановки, умер в тюрьме.
61. Пономаренко, яч. села Ряженского.
62. Пархоменко боевая дружина.
63 Павленко С. боевая дружина Электростанции.
64. Руденко Т. М. яч. Балтзавода.

65. Рыбальченко, яч. села Ряженское.
66. Радченко И. А военная ячейка.
67. Романенко Иван, яч. села Бессергеновки.
68. Рослов С. яч. села Троицкого.
69. Снименко Л. И. военная ячейка.
70. Страшевский Т. Н. яч. М.-Курган.
71. Снименко М. М.
72. Суровцев, ячейка Балтзавода.
73. Самущенко Михаил, яч. села Синявская и Армянская коса.
74. Сбытнев Пантелей, председатель 3-го подпольного больш. Комитета.
75 Сытников, яч. села Голодаевки.
76. Снименко Г., яч. Металлургии.
77. Слепневский.
78. Слоневский М.
79. Соловьев.
80. Сухорутченко яч. Металлургии.
81. Спиваков Михаил, яч. села Петрушено.
82. Токарев С. С.
83. Тищенко В., убит агентами контр-разведки.
84. Ткаченко, ячейка М.-Курган.
85. Урвачев, яч. села Александровки.
86. Фалин В. И. член 1-го подпольного Комитета.
87. Филиппов. А.
88. Фелисов.
89. Чекалов Д. С. яч. Металлургии.
90. Шуваев И. И. ячейка Котельного завода.
91. Шестун, яч. Балтзавода.
92. Широков Иван Балтзавода.
93. Шаповалов И. В. яч. желдороги.
94. Шаболтас Б. Ф.

Цена 25 коп.

